

- - [Бессмертие*](#).
 - [I. Предсказания науки.](#)
 - [II. Предсказания философии.](#)
 - [III. Голос веры.](#)
 - [IV. Условия посмертной жизни](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [*](#)
-
-

Введение

Содержание

I. Предсказания науки.

В известном смысле наука только загромождает путь к рассуждению на эту тему, потому что, занимаясь фактами и выводимыми из них законами, доступными внешнему восприятию, она не в состоянии ответить на вопрос о будущей жизни ни в том смысле, что она совершенно невозможна, ни в другом, что к ней, по крайней мере, открыт путь. Мало пользы доказывать посмертное бытие на основании природы Божества, человека и универса: — материалист возражает на это, что совсем нет никакой души, ни отдельного от тела духа. Прежде нежели обратиться к философскому и религиозному доказательствам, предварительно необходимо указать, в чем заблуждается материалист, и что будущая жизнь, но крайней мере, возможна.

В каком отношении состоит современная наука к вопросу о будущей жизни? Это последнее можно охарактеризовать одним словом: агностицизм. Одни исследователи (Фарадей) соединяют искреннюю веру с своими физическими изысканиями. Много других отказываются от прямого ответа на вопрос, считая его не относящимся к области их научных исследований и предоставляя ведаться с ним философии и богословию. Но значительное большинство согласно с Дарвином, Гекли, Спенсером и Тиндалем в заявлении, что в рассуждении взятого предмета нельзя ни доказать чего-либо, ни опровергнуть, и что никто не может ни утверждать, ни отрицать посмертного существования, по неимению необходимых фактов для соответствующего суждения. Они откровенно признаются в том, что так как никто не в силах понять таинственной качественности, называемой «жизнь», то никому не может принадлежать и уверенность в её загробном продолжении. Таковы их речи. Не воспрещается надеяться, но воспрещается утверждать. Однако, при взгляде на такое, наиболее популярное, положение дела в настоящее время, мы убеждаемся в том, что приведенными словами отвечает не вся наука, а только одно естествознание. Естественно, что вопрос о бессмертии не принадлежит области физической науки, подобно как и другие вопросы о высочайших реальностях жизни — о Боге, душе, о нравственном чувстве, об аффектах, об истинном, добром и прекрасном. И, однако же, они занимают самое высокое место в человеческой конституции. С таким же правом можно попытаться взвесить душевную эмоцию, определить специфическую тяжесть аффекта, или произвести химический анализ души, с каким подвергнуть научной проверке неразрушимость душевной жизни, — но это относится уже к царству духа, а не чувственного восприятия. Но естествознание является только одною из многочисленных научных отраслей. Наука в своем целом всеобъемлюща. Под нею разумеется совокупность всего систематизированного знания. Метафизическое знание достоверно не менее физического; что мы думаем и чувствуем — это настолько же реально, па сколько и то, что мы видим и осязаем; факты нашей душевной жизни в своей достоверности не уступают нисколько фактам внешнего опыта. Одно естествознание может оказаться не в состоянии доказать или опровергнуть истину бессмертия; зато, взятая в своем целом, наука представляет убедительные доказательства в пользу бессмертия, так что агностицизм окажется не в силах отстоять занятую им позицию. Наше требование от естествознания сводится к тому, чтобы последнее призналось в том, что, недоступная физическому доказательству, истина бессмертия этим еще не опровергается, а только имеет пред собой открытый путь к доказательствам из других областей знания.

Впрочем, при всей его распространенности, этот взгляд не является неоспоримым. Приходится считаться с крайней позицией материалистов, отнюдь не мирящихся с сомнительным положением проблемы, но решительно отрицающих будущую жизнь. По их утверждению, только одна материя является субстанцией, все же физические явления суть только произведения материи, следовательно, жизнь начинается вместе с телом и с ним же

кончается, — сознание рождается из мозговой материи и прекращается с её разрушением. «Физиология», говорит Фогт, «определенно и категорически свидетельствует против индивидуального бессмертия, равно как и против обособленного существования души». «Мысль», по словам Молешотта, «есть движение материи: без фосфора нет мысли». «С упадком и разложением своего материального субстрата», утверждает Бюхнер, «посредством которого он достигнул сознательного существования и стал личностью, и от которого находился в зависимости, дух должен прекратить свое бытие». «Октогенезис сознания», говорит Геккель, «совершенно ясно показывает, что он — не «имматериальная сущность», а только физиологическая функция мозга». Расстройство какой-нибудь одной части аппарата», говорит Дюринг, «сопровождается прекращением той или другой жизненной операции, откуда следует, что где только распространяется жизнь, мы имеем пред собою лишь одну органическую функцию, а не Ding-an-sich (вещь в себе) или выражение воображаемой сущности — душу. Эта основная пропозиция ведет к отрицанию бессмертия души, потому что где нет души, там не может возникать и никакого вопроса об её смертности или бессмертии».

В виду этих изумительно-поразительных заявлений мы должны, прежде всего, ответить материализму вообще, а затем уже постараться понять ту специальную его фазу, которая отправляется от произведений мозга, а кончает душою. Как это, вообще, возможно здравомыслящему человеку положительно заявлять, что душа не существует по смерти? Как он может знать об этом? Все физические факты относятся к заключенной в теле душе, но отнюдь не покрывают поля отделимой от тела души? Что в земной действительности душа никогда не существует в отдельности от тела. — это еще не доказывает того, что они поэтому неотделимы друг от друга. Для доказательства разрушимости души необходимо проследить за [смертью](#) через всю вселенную и решительно удостоверить отсутствие какого-либо духа на всем протяжении, в любой точке, но этого сделать никогда не могла и никогда не в состоянии будет наука. И если бы это удалось сделать с одним или с целым миллионом тел, то из этого еще не проистекает необходимости — добытый результат прилагать к другим миллионам. Следовательно, если подобные упомянутым трезвые ученые, столь выдающиеся в своих научных областях, выводят ложные заключения за границами последних, категорически высказываясь против бессмертия души, то они нарушают все правила своей собственной науки и обнаруживают догматизм, легковерие, предубеждение и ложную индукцию в значительно большей степени, нежели самый консервативный христианин. Законные претензии естествознания могут состоять только в том, что здесь, на земле, сознание никогда не существует в отдельности от мозга; что же касается посмертного бытия сознания в отрешенности от мозга, то наука по этому вопросу абсолютно ничего сказать не может. Здесь уместно сослаться на известный аргумент Ботлера, что все, теперь существующее, имеет в свою пользу, по крайней мере, гадание насчет непрерывного существования, исключая возможности доказать бытие чего-то такого, чем необходимо пресекалось бы это существование. Если нельзя доказать, что со смертью уничтожается душа, то уже самый факт существования души теперь делает вероятным продолжение такого существования и за гробом. Подобно тому, как факт однообразия природы, регулярности восхода и заката солнца, времен посева и жатвы, морского прилива и отлива делает вероятным продолжение этих явлений и впредь, так и фактом существования души оправдывается ожидание продолжения последнего и по смерти, пока не будет доказано, что смерть есть уничтожение души. Но доказать, что смерть означает собою разрушение души, можно или исходя из природы самой смерти, или от аналогии. Не зная, однако, что такое представляет собою сама смерть, нельзя выводить заключения о разрушении души на основании природы смерти; и, не имея возможности знать, что происходит с животными по смерти, мы опять не в состоянии, по аналогии, утверждать уничтожение души. Вследствие этого остается место для

предположения, опирающегося на факт теперешнего существования души и отсутствия причин к его прекращению, что для души откроется загробное бытие. Если бы, даже, кто-нибудь стал утверждать, что Бога нет и, следовательно, люди смертны, то он оказался бы иллогичным с его же точки зрения, потому что, если мы существовали некогда без Бога, то в праве предполагать, по крайней мере, что и впредь будем существовать без Него. В конце концов, далее самый крайний взгляд атеистического материалиста может логически привести последнего к агностицизму, по которому ничего доказать невозможно; за то земное существование благоприятствует мнению о продолжении его и не лишает человека надежды на лучший мир¹.

Весьма многие факты свидетельствуют о том, что наша душа, а не материя мозга является госпожой положения. Здесь обыкновенно выступало с своим неумолимым приговором то направление в философии и естествознании, по которому всякое познание является результатом чувственности; что все поразительные проявления человеческого интеллекта представляют собою только результат действия глаз, ушей, носа, языка и рук; что нет ничего в интеллекте, чего наперед не было бы в чувствах. Лейбниц отвечал на это: поистине, нет ничего в интеллекте, чего не было бы наперед в чувствах, исключая самый интеллект. Как же доказать это? Доказательство продолжил Кант. По его мнению, человеческая душа наделена способностями, законами и условиями, предшествующими чувственному восприятию, так что, возбужденная впечатлениями от внешних предметов, она затем раскрывает таящиеся в ней силы, употребляя и воспитывая чувства и. таким образом, производя знание, тогда как одни чувства оказываются в совершенно беспомощном положении без сокровенных сил сознания, лежащего в основе приобретения всякого знания.

Тем не менее у каждого рождается вопрос: как может мыслить душа без своего орудия — мозга? На какой основе будет действовать сознание по разлучении с мозговой материей? Единственный способ проявления человеческой мысли здесь, на земле, — тот, что душа имеет свои органы в мозгу, в нервах и мускулах. Что будет служить ей «медиумом», её орудием по разлучении с телесным организмом? Или, как выражались современные ап. Павлу совопросники ([I Кор. XV:35](#)), «коим же телом приидут»?

Апостолу Павлу этот вопрос представлялся безумием, ибо нелепо думать, что может полагаться предел Божию всемогуществу. или что [Бог](#) не в состоянии дать тело душе, как это будет Ему благоугодно, — подобно тому, как Он сотворил различно организованные существа для жизни в противоположных, повидимому, средах, каковы вода, земля и воздух, при чем пространство является в виде дифферентных форм по отношению к материи. И подобно тому, как вновь проростающее из гниения пшеничное зерно обнаруживает жизнь, рождающуюся по смерти, тождество — при целом ряде перемен, так и динамическая энергия сознания переживет телесную смерть и сохранит свой тип в прославленной форме.

Наш испытующий разум не должен только предаваться пагубному сомнению в Божием всемогуществе, встречаясь с необычною проблемой насчет возможности бестелесного сознания, по действию этого всемогущества. Очевидно, мы пока не в состоянии постичь свойства той духовной сферы, в которую сами еще не вошли, и которая совершенно непохожа на ту, которую мы опытно познали. Однако, кое-что и нам доступно из этой отдаленной сферы. В продолжение своего телесного пребывания сознание может содержать в себе нераскрывшиеся силы и способности, благодаря которым оно оказывается готовым к посмертному существованию без употребления органов чувств. Затем, сознание может быть облечено духовным телом, о котором пишет ап. Павел, земное же наше тело является только хранилищем динамической силы, и, таким образом, тело духовное служит орудием для выражения сознания в загробном мире. Всякий организм, по словам Джозефа Кука, образуется жизненным принципом, существующим прежде самого организма, и, следовательно, может существовать так же и по смерти

последнего, воспроизводя организм сам для себя, подобно тому, как падающий с дерева плод уносит в себе самом зерно, заключающее организм будущего дерева. А что динамическая сила нашей духовной жизни, действительно, переживет тело и воспроизведет соответствующий себе организм, — это станет в высшей степени вероятным, когда мы взглянем на дело с чисто нравственной точки зрения и в связи с Верховным Устроителем нравственного миропорядка. Если, потом, мы обратимся к нашему основному различению и обратим внимание на то, что сознание не есть произведение мозга, но управляет последним, то склонимся в пользу той мысли, что оно может иметь скрытые для своего существования силы и в своем трансцендентальном существовании может употреблять, в качестве служебного орудия, новое духовное тело.

Скажут, пожалуй: «все это таинственно»! Несомненно, только не больше, по сравнению с общепринятыми положениями современного естествознания, каковы, напр., гипотезы притяжения, атомов, энергии, вибрации и клеточек. Если атом содия может пережить разложение соли, воды, хлеба, пищеварения, ассимиляции, циркуляции, и при том еще сохранить в неповрежденности каждое из принадлежащих ему свойств, то почему же это не простереть и на жизненно-динамическую способность сознания? Если самый незначительный кусочек мускуса в состоянии выделять из себя частицы, которых достаточно для наполнения довольно большого пространства в течение целых месяцев, без уменьшения, при этом, своего веса хотя бы в самой незначительной степени, то почему же наша душа не может продолжать существование в открывшейся пред нею пустоте? Наступающая по смерти перемена представляется ли более значительной по сравнению с разложением воды, при котором она перестает быть вкусною, освежающею, искрящеюся жидкостью и обращается в воспламеняющийся, вредный и невидимый газ и в твердое, соединенное с железом, тело? И, однако, ни один из перечисленных элементов не уничтожается. Ученые естествоведы утверждают непрерывное существование субстанций, не смотря на представляющееся чувствам совершенное их уничтожение. Если химик может взять серебряную чашу, погрузить ее в азотную кислоту и сделать так, что она совсем исчезнет, а затем введением меди осадить серебро на дно, извлечь, расплавить, отлить его и возвратить вам назад ту же чашу без малейшего в пей изменения, то что же невероятного в том утверждении, по которому Великий Химик вселенной может сделать, по крайней мере, то же самое? Когда вы входите в темную комнату, в которой луч света падает на черное пятно, — вам ничего не видно. Станете ли вы, по этому, утверждать, что в комнате совсем нет света? В таком случае положите апельсин на линии света, — и комната в тот же момент делается желтою, а это значит, что свет находился в комнате, не смотря на невосприимчивость к нему нашего зрения. Подобным же образом фотографическая пластинка открывает звезды, недоступные зрительному восприятию, микрофон — неслышимые ухом звуки, болометр — неоощаемую нашей кожей чувствительность. Повсюду наука докладывает нам о том, что сумма знаний, приобретаемых нами посредством наших ограниченных чувств, оказывается весьма ничтожной по сравнению с необъятной областью, недоступною чувственному восприятию, и что много предметов на небе и на земле, о которых и не снилось нашим мудрецам.

Нельзя себе представить чего-либо более опрометчивого, — по сравнению с неверием в бытие отошедшего из тела духа, только потому, что кто-либо не в состоянии совершенно постигнуть его, в то время как мы верим в тайны окружающей нас вселенной и допускаем их, не зная о них ровно ничего. С таким же правом кто-либо мог бы заявить, что он не верит в электричество, потому что ничего не в состоянии понять в его реальной природе. Или объясните, если можете, каким образом называемые светом и теплотою эфирные волны кооперируют, проникают и окрашивают твердые тела, жидкости и газы, или проходят сквозь

толщу тяжеловесным субстанций, для них как бы несуществующих, или, в качестве молниеносных вестников, стремительно несутся вокруг земного шара? Решительно непостижимо, что каждый фиолетовый луч состоит из шести сот девяносто девяти биллионов колебаний в секунду, и что каждый световой луч пересекает все другие световые лучи на целом протяжении и, все-таки, беспрепятственно устремляется по прямой линии. Наука допускает и большее: часто она принимает явные и необъяснимые противоречия. Кислоты, щелочная соль и вода, как известно, имеют близкое химическое сродство, сильное взаимное притяжение, почему и стремятся, в случае их соединения, к совместной комбинации. Однако, посредством гальванического электричества и асбеста, химик может сделать чашу из щелочи и другую — из кислоты, меняет их положения, при чем та и другая переименовывают поставленную между ними чашу воды; все три субстанции находятся в постоянном контакте и, тем не менее, не образуют никакой комбинации. Столь поразительное противоречие, как этот перерыв химического сродства, является неразрешимой загадкой. Или, далее, объясните тайну недавно открытого элемента — радия, испускающего теплоту и проникающий свет без сгорания, без истощения или какого-либо химического изменения. Краеугольным камнем современного естествознания служит закон, по которому ничто не совершается без затраты требуемого количества энергии, — и вот пред нами оказывается субстанция, постоянно порождающая свет и теплоту, непрерывно выпускающая целый поток материальных частиц, без возобновления со стороны какого-либо внешнего источника энергии. Однако физики принимают, экспериментируют и утилизируют это явное противоречие их законам, будучи решительно не в силах объяснить такую тайну. Затем, посредством прибавления кислот, бесцветная жидкость может измениться в темную, видоизмениться в прозрачную; по как избирательное сродство в кислотах, металлах и щелочах производит попеременно поглощение и передачу света, — для нас это остается совершенно непостижимым. Или кто может объяснить, каким образом каждый кусок большого магнита, разбитого на тысячи частей, сам становится малым магнитом, имеющим два полюса, поднимающим свою собственную тяжесть, притягивающим железо, не смотря на промежуточные тела, сообщающим свою силу, без умаления её, при соприкосновении с железными предметами, и, когда бывает повешен, берущим такое же направление, какое указывается другими частицами? Кто может объяснить тайны притяжения, процессы питания и роста животного и растительного царства, деятельность органов чувств, способ перцепции или происхождение жизни? Несомненный прогресс знания в отношении неразрушимости атомов, эквивалента и соотношения сил, повидимому, является пережитком сознания в соответствии с сокровенными тайнами природы. Еще из времен седой древности наука утверждала, что человеческий ум должен смотреть на мир сквозь призму явлений. Земля представляется наблюдателю плоской; солнце кажется вращающимся вокруг земли; и в продолжение целых веков люди доверяли непосредственному впечатлению. Но рассудок восторжествовал, в конце концов, над чувством и чрез видимость дошел до реальности. Смерть представляется окончанием всего; однако посредством тысячи указаний разум научает смотреть сквозь самую смерть и за пределами гроба созерцать вечную жизнь. Если, теперь, мы допускаем тайны одинаково поразительные в окружающей нас физической природе, то почему же мы станем медлить признанием посмертного бытия, на основании тысячи предубеждений, ссылаясь только на непостижимость его нашему пониманию? «Существует философия», пишет Виктор Гюго, «отрицающая бесконечное. Есть еще и такая, по учению которой нет греха; имя такой философии — ослепление. Недостаточность наших чувств считать за источник истины представляет собою несомненное доказательство человеческой слепоты».

Второй сильный аргумент, представляемый наукой в пользу самостоятельного существования души после разрушения мозговой субстанции, происходит из постепенного

открытия закона эволюции. На первый взгляд этот необъятный процесс универса представлялся свидетельством против бессмертия. Когда человечество открыло, что вселенная, как она существует теперь, яко бы произошла не сразу, а образовывалась постепенно в продолжение целого ряда веков, что планеты произошли из туманной материи, все живые организмы, включая сюда и человека, — из немногих примитивных жизненных форм, или от одной, с модификацией или вариацией, посредством борьбы за существование, естественного подбора и победы сильных над слабыми, — оно тревожно спрашивало себя: где же здесь место для души? Человек представляет собою не больше, как только развитое, благодаря естественному подбору, животное! Но более основательная наука открыла место для души. Не входя в обсуждение сомнительных эволюционных предположений, остановимся лишь па том, что прямо относится к предмету нашей речи.

По прежнему взгляду на эволюцию, человек произошел путем последней; теперь нашли более правильным обратное выражение, что самая эволюция произошла от человека, т. е., что объектом, намерением, целью необъятной схемы с самого начала служило совершенствование человечества: как для монумента предварительно воздвигается основа, так и эволюция произошла для человека, как её венца и завершения. Следуя, шаг за шагом, по пути эволюции, мы видим, что её система состояла в прогрессивном развитии к достижению более и более высоких форм жизни, с сохранением всего прошлого совершенства и с постепенным приобретением еще большего, посредством восхождения чрез неорганическое и органическое к духовной жизни и к сознанию, до высшей точки развития в человеке. Такой же самый процесс, затем, продолжается и в человеке, устремляясь к самому высокому в последнем, чем отличается человек от других тварей, т. е., своей разумной и нравственной природой. Душевная эволюция постепенно проявляется в тождестве самосознания, в уме, в понимании, в сознании свободы и нравственной ответственности, включительно до высшей эволюционной стадии — в чувствах симпатии, любви и самопожертвования. В чем же состоит завершительная цель этого процесса? Только ли в развитии рода человеческого? В том ли, что каждое поколение подымается на высшую ступень умственного и нравственного развития? Несомненно, что это так, но не все, потому что, по научным же данным, земля со всею своей цивилизацией исчезнет, и, если конечною целью эволюции служило только развитие человечества, то процесс, обнаруживавший на всех стадиях своего развития столько логического порядка и разума, внезапно завершился бы ничтожеством. Отсюда ясно видно, что объектом рассматриваемого процесса служит развитие высших способностей в человеке, его духовное усовершенствование. Так, восходящая от эгоистической дикости до героического самопожертвования, человеческая эволюция свидетельствует о том, что земной мир служит только первым этапом на пути к высочайшему совершенству. Здесь-то, именно, происходит соглашение веры с знанием. Наука настойчиво утверждает, что конечная цель жизни состоит в духовном усовершенствовании человека; однако, не взирая на свои старания, она не в силах достигнуть искомого идеала. На этой стадии в помощь науке приходит религия и поставляет человека в соотношение с духовными реальностями, вдохновляющими, руководящими и помогающими ему в стремлении к этому идеалу. Наука приводит человека только к подошве Гималаев, показывает ему тропу и снежные вершины, возвышающиеся в небесном эфире над плавающими облаками; но у неё не хватает сил вести его в далекую высь, и, — беспомощная, — она падает в изнеможении. В это время за его руку берется религия, возносит его вверх, поддерживает и ведет так, чтобы он мог продолжать крутой подъем сквозь облака смерти, к той блаженной цели, которую видела, но была не в силах достигнуть сама наука. Таков единый процесс человеческой эволюции, производимой сотрудничеством веры с знанием, в направлении к цели высшего совершенства.

Рассматривая в целом этот телеологический процесс, разумно ли допустить возможность,

что он совершенно рушится, уничтожится и, в конце концов, завершится бессмысленным хаосом? Может ли человеческий разум, хоть на мгновение, допустить мысль, что целый универс, — если стать на точку зрения эволюционной теории, — мучительно трудился и пережил столько ужасных катаклизмов лишь затем, чтобы, предоставив венцу творения — человеку восемь или девять десятилетий жизни, при совершенной невозможности осуществить свой идеал, в конце концов низвергнуть его в бездну бессмысленного небытия? Если невероятной представляется мысль о каком-либо знаменитом ваятеле, неутомимо трудившемся над художественным произведением, не взирая на нищету и всякие лишения, только бы довести его до конца, и, наконец, достигнув цели, но только затем, чтобы в одно мгновение разбить в куски плоды долголетнего труда, терпения и жертв; то во сколько же более невероятную является мысль о Творце, создавшем совершеннейшее из существ — человека с тою единственной целью, чтобы в один несчастный день низвергнуть его в бездну небытия?!. «Захотите ли вы», спрашивает Эмерсон, «приложением неусыпных забот и трудов произвести из воспитываемых вами детей образцы совершенства и, затем, вдруг расстрелять их?» Таким образом, неисчислимое множество понесенных целою системою трудов служит залогом посмертного существования человека.

Итак, непререкаемый закон эволюции состоит в сохранении превосходнейшего. Но высшим и предпочтительнейшим, по сравнению с целым творением, произведением является моральная природа человека. Каким же, спрашивается, образом этот закон оказался бы бессильным в отношении к самому драгоценному произведению вселенной? Неужели последняя так ревниво и в продолжение длинного ряда веков сохраняла свои превосходные произведения только для того, чтобы с необыкновенно-преступным легкомыслием разбить вдребезги это высочайшее произведение? Однако, кто-нибудь возразит: существование добродетели обеспечивается преемством поколений, и человек, таким образом, уже на земле получает бессмертие, совершенно не имея нужды в духовном. Ошибочность такого возражения обнаруживается, даже, при самом беглом взгляде на жизнь вселенной, как целого, потому что, согласно с научными данными, все обитатели земной планеты умрут, с течением времени, а универс уничтожится. Что же представит собой реальная жатва? Да ничего! Вероятно ли, что затраченный универсом титанический труд продолжался целые тысячелетия только ради уничтожения?

Вот еще другой метод превращения доказательства. Объектом эволюции, как мы уже видели, служит совершенствование человека, — отдельных личностей и целых обществ. Но ограниченность наших физических организмов и среды делают недостижимым полное усовершенствование здесь, на земле. К последнему можно только в некоторой степени приближаться, но никогда вполне не достигать его. Следовательно, завершением этого процесса указывается на загробное бытие индивидуумов и обществ. В противном случае, повидимому, рациональная, на пространстве целых тысячелетий, система окажется совершенно — несостоятельной в своем кульминационном пункте, потому что одно из двух: или человек бессмертен, или универс — сплошная ошибка. По телу человек близок к совершенству, но умственные и нравственные потенции его находятся только в процессе. Если бы эволюция завершилась здесь, то мы имели бы готовый фундамент с отстроенным только наполовину храмом. Если человек уничтожается по смерти, то он является роковою ошибкой творения. Целый процесс оказывается только вековым произрастанием, не достигающим поры расцвета. «При отрицании бессмертия души», говорит Ле-Конт, «этот прекрасный космос, развивавшийся в возрастающей красе целые миллионы лет, — в случае, если бы его эволюция завершилась, и все минуло бы бесследно, — оказался, как бы никогда не существовавшим, — пустой мечтой, бессмысленной и ничего не значащей сказкой». Итак, нет никакого посредства между двумя альтернативами: или эволюция

(как бессмысленная) должна приостановиться, или мы должны жить по смерти. Длинный ряд минувших лет, в течение которых развертывалось богатейшее разнообразие жизни, служит залогом её дальнейшего продолжения. Следовательно, в бессмертии мы должны достигать возможного для нас совершенства. Нам остается избрать одно из двух: или бессмысленный универс хаотического бытия, без порядка и цели, или прогрессивно-гармоническое развитие, стремящееся, посредством бессмертия, к достижению высочайшей цели. Все знание строится на убеждении, по которому вселенная представляет собою порядок, выражение творческого разума, Предположение о творении, как только о бессмысленном хаосе, было бы роковым для науки. Но если творение мыслится, как выражение логически разумного порядка, проходящего в течение всего космического процесса, то безумно думать, что он исчезнет в завершительной стадии последнего. Разумный порядок целого универса, таким образом, содержит в себе истину бессмертия души. «Высшее благо практически», по словам Канта, «является возможным только под условием бессмертия души».

II. Предсказания философии.

В некотором смысле философия покрывает все три отдела человеческой мысли, потому что «любовь к мудрости» означает, вообще, организованную сумму всех высших истин, совершенное знание человеческих дел, всеобъемлющий синтез человека в отношении к универсу. Впрочем, существуют известные области метафизики, психологии, логики и спекулятивного знания, представляющие собой отдельные научные отрасли. Каковы же некоторые предсказания о бессмертии, происходящие из этого обширного царства науки? Что может сказать философия в подтверждение веры в загробную жизнь?

На первом месте стоит доказательство, опирающееся на всеобщность этой веры. Все люди, за немногими исключениями, на всех местах и во все времена веровали в будущую жизнь. Это убеждение столь же древне и общераспространенно, как и род человеческий, произвольно, независимо и сильно, даже, и в том случае, когда не происходит из Откровения, предания или авторитета. По словам Цицерона, оно относится к разряду тех великих истин, которые рождаются вместе с нами. Оно не является, как некоторые полагают, результатом веры первобытного человека в сновидения и в духов, а скорее эти последние происходят из неодолимого самоутверждения сознания, которое не могло не чувствовать себя продолжающим загробное бытие. Больше того, значительно различающиеся между собою идеалы загробного мира, начиная от грубо-чувственных представлений до парадиза, от Валгаллы до Нирваны, свидетельствуют о том, что эта вера не заимствовалась одним народом у другого, а рождалась независимо и самобытно в каждом народе, по всему земному шару. Представления о посмертном существовании различаются между собою в том или другом отношении, но вполне согласны в самом факте, удостоверяя, что они являются глубоким инстинктивным убеждением, насажденным Самим Творцом в сердце каждого человека. Следовательно, тот факт, что только с течением времени, с развитием своего самосознания, люди стали доискиваться разумных доказательств веры в бессмертие, свидетельствует не против, а, наоборот, в защиту этой веры, и показывает только то, что прежде они не имели в том большой нужды, но самая вера была их оригинальным инстинктом.

Некоторые мыслители отвергают этот, основывающийся на всеобщности веры, аргумент только потому, что не постарались хорошенько рассмотреть его отличительные особенности. Действительно, всеобщность сама по себе еще не служит доказательством, потому что всем хорошо известно, что люди временами веровали в несомненно ложное, как, напр., в то, что земля представляет собою плоскость, в обращение солнца вокруг земли. Сама по себе древность — еще не доказательство, потому что и суеверия так же древни. Но, когда последние пережили целые века, то этот факт обуславливался не лживостью их, а зерном содержащейся в них истины. Однако, различие двух видов этого аргумента сводится к следующему: в том случае, когда универсальная вера основана на заблуждении, с течением времени она или отвергается, или видоизменяется, тогда как эта вера в бессмертие никогда не изменялась по существу, начиная с незапамятных времен, а только прогрессировала, развивалась, укреплялась, непрерывно возвышалась и очищалась, по мере преуспевания рода человеческого, достигнув своего зенита у высших народов и, среди этих последних, у лучших и мудрейших из их представителей. Мало того, вера в бессмертие могущественно содействовала человеческому прогрессу, являясь одним из сильнейших факторов морального развития личности, лежащим в основе её высочайшей ценности, неприкосновенности жизни, и достижения ею своего кульминационного пункта в безбрежной вечности. Можно ли, в виду этого, думать, что такое неодолимое инстинктивное сознание, существующее независимо и повсюду, во всей

человеческой семье, начиная с незапамятных времен, непрерывно очищавшееся от примеси всякой неправды и возраставшее в силе, выражающее чаяния всего рода человеческого, — можно ли допустить, что оно не имеет под собой реальной основы? Неужели целый род человеческий, с самого начала своего существования и до настоящего времени, оказывается обманувшимся в одном из самых оригинальных своих инстинктов, после того как он же сделал столь поразительные успехи во всех других областях жизни и знания? Эта всеобщность веры в бессмертие, открывшейся на самой ранней заре исторического бытия человечества, укрепленная и возвышенная посредством прогресса, получает необыкновенно-важное значение в глазах каждого мыслящего человека, служа выражением заключенного внутри нас залога бессмертия.

Затем, определим цену подвергавшегося часто оспариванию доказательства по аналогии. Бесспорно, что аналогия не может привести к логическому заключению, пока не показано, что духовная область соответствует законам физической. Аргументировать от одной к другой можно только на основе дознанной их гармонии. Но если существует Творец вселенной, то не является ли более вероятным и более естественным предположение, что Ему было угодно создать две половины, составляющие единое гармоническое целое, нежели другое, по которому Он сотворил их находящимися в постоянном конфликте и противоречии? Не представляется ли более разумным мыслить, что Он восхотел создать непрерывность между материальным и духовным миром, с необъятным круговращением сил, распространяющихся по обеим гемисферам, нежели допустить противоположное, что законами и порядками одной уничтожаются законы и порядки другой? Несомненно, что также невозможно от чисто-физического явления аргументировать к физико — спиритуальной перемене, как, напр., от превращения гусеницы в бабочку — к бестелесному существованию души после смерти, потому что в первом случае пред нами одно физическое изменение, между тем как в другом — переход от физического к духовному. Однако, в качестве примеров, намеков, указаний и предсказаний, поразительные аналогии естественной жизни после видимой смерти послужат, во всяком случае, апелляцией к человеческому уму и сердцу и одним из тех добавочных фактов, совокупностью которых усиливается доказательное значение множества других предсказаний.

Целым процессом своей жизни природа ясно учит о продолжении существования под иной формой, в новой сфере. Повсюду мы видим трансформации той же самой жизни, продолжающейся при значительно отличных условиях. Наблюдая за появлением жука из навозной кучи, древний египтянин видел в этом процессе указание на будущую жизнь, почему и поместил такого приятного вестника в храм, в качестве эмблемы человека, имеющего некогда выйти из могилы для продолжения своего существования. Такая же мысль рождается и в нас при наблюдении за мертвой — повидимому — улиткой, медленно роняющей свое старое линовище и выползающей на свет с обновленной жизнью; или когда мы видим птицу, появляющуюся из разбитого её же клювом яйца, и сравним находящегося в последнем орла с взлетающим к солнцу орлом, или истлевающее семя — пробивающимся к свету в виде зеленеющей былинки, или когда приветствуем весну, пробуждающуюся от ледяной смерти, головастика, дышащего жабрами в воде, однако постепенно приготавливающегося к обитанию в иной сфере и к дыханию с помощью легких; или когда смотрим на шелковичного червя, как он постепенно обвивается смертным покровом кокона только для того, чтобы потом выйти из него в виде красивой бабочки, весело и свободно порхающей в воздушном пространстве. Как можно видеть эти постоянные трансформации, признавать повсюду важный закон жизни, возникающей из недр самой смерти, и в то же время не чувствовать того, что Творец миров в этих примерах дал нам залог также и нашего загробного бытия, в согласии с упомянутым законом? Неужели, вполне признавая метаморфозу в бесчисленных случаях у низших тварей, кто-либо решится отрицать ее по отношению к человеку, венцу всего сотворенного, вслед за печальными годами его

кратковременной жизни на земле? Даже какая-нибудь, инкрустированная в скале, жаба, или — в гробницах мумий — пшеничное зерно — сохраняются в продолжение целых тысячелетий. Неужели только одному человеку суждено прожить на земле каких-нибудь восемь — девять десятков лет и, затем, обратиться в чистое ничтожество?

Тот же самый закон трансформации жизни вслед за видимой смертью, господствующий в нижнем царстве природы, приложим и к человеку, насколько мы в состоянии проследить жизнь последнего. Контраст между еще не родившимся младенцем и взрослым человеком, между Цезарем, Ньютоном, Гёте, находящимися во чреве матери, и потом — завоевателями мира, свидетельствует о продолжении жизни при совершенно различных обстоятельствах. Даже больше того: — в эмбриологии открыт всеобъемлющий закон, по которому смерть означает освобождение от ограничений и переход в высшую сферу. Смерть в эмбриологии означает просто кульминацию известной стадии существования и рождение в высшее, более сложное состояние развития. Так, например, фолликула умирает после того, как перерастет свои пределы, а зерно её делается овум; витализованное овум умирает по достижении зрелости, а его зерно становится плацентой с зародышевым центром; умирает и этот последний, при чем его зерно развивается на степень эмбрио; со смертью плаценты её эмбрио появляется на свет в виде живого существа. Или, логически продолжая процесс, мы приходим к выводу, что, перерастающее здесь свои пределы, наше тело умирает, а его зерно, духовная сущность, возрождается в высшую сферу. Или процесс этот непрерывный, или непрерывность творческого процесса потерпела внезапно иллогическое расстройство. Подобным же образом, хотя человек непрерывно теряет часть своего тела, причем весь организм обновляется один раз в течение каждых семи лет, однако, при этом, удерживается его идентичность, по требованию всеобщего естественного закона. Спрашивается, почему человек не мог бы, посредством такого же аналогичного закона, и впредь сохранить свою тождественность, когда наступит время расстаться с своим телом, по велению другого закона природы — смерти? Эту мысль арабы прекрасно выражают в своей философии. Подобно тому, как телесный состав человека, — говорят они, — собирается из обширного материала в природе, и опять возвращается к своему источнику, при чем тело становится прахом, так и происходящий от Бога человеческий дух опять возвращается к своему Источнику. Естественная философия выражает в приведенных словах мысль, находящуюся в книге Екклесиаст: «и возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его» (12, 7). Следовательно, эта устойчивость жизни, в новых формах и условиях, распространяющаяся по всему царству природы, дает собою понять, что совершенно естественно ожидать такую же самую устойчивость жизни и по смерти.

Природа, однако, имеет более важное значение, чем служить только красивой иллюстрацией. Она указывает принципы и законы, посредством которых может быть обеспечено вечное бытие, в случае исполнения данных условий. Чем более сложным является организм, — говорит Друммонд, — и чем лучше он приспособлен к окружающей среде, тем продолжительнее и его жизнь. Это настолько очевидно в природе, что Герберт Спенсер формулирует закон, по которому, в случае нахождения нами совершенного соответствия с окружающей средой, которое продолжалось бы непрерывно, мы получили бы вечную жизнь. «Совершенное соответствие было бы вечной жизнью. Если бы в окружающих условиях не происходило никаких перемен за исключением таких, какие усвоил сам организм, и если бы он никогда не ошибался в воздействии на них, то тогда наступила бы вечная жизнь и вечное знание». В виду данной аналогии, человеку остается только состоять в указанном соответствии с Вечным, — и он исполнит предъявляемые природою условия. Ибо, входя в общение с духовной силой универса, он обеспечил за собою совершенное соответствие с вечными качественностью и средой, реализуя таким образом естественные условия вечного

существования. Посреди конечного быть в единении с бесконечным и в каждый преходящий момент иметь вечное существование, — это и означает бессмертием в религии. Этим необходимым ограничением бессмертие не становится уделом только немногих избранных, если мы принимаем, что человеческий дух, в надлежащей стадии развития, входит в контакт с вечным духом жизни универса, и, таким образом, род человеческий получает бессмертие.

Затем, природа возвещает тот закон, по которому ничто реально не разруσιμο. Видимое же уничтожение означает собою только перемену формы. Всякие перемены суть только размены. Никто не может разрушить ни одного атома. Бейте молотом, жгите, разреживайте, как угодно, — вы только обратите твердые тела в жидкие, жидкие — в газообразные, но первоначальные атомы окажутся нисколько не поврежденными. Не смотря на бесчисленные перемены, целая сумма атомов и теперь остается такою же. В виду этого разумно ли думать, что только одни атомы сотворены переживающими течение времен, а драгоценная мысль, гений, дух предназначены к уничтожению? Если Творец сохраняет менее ценное, то ужели Ему не угодно сохранить более ценное? [Жизнь](#) не дороже ли одежды? В состоянии ли мы представить себе такого отца, который заботливо сохраняет одежду своего сына и допускает его самого погибнуть в пламени? Бог, сохраняющий физические элементы, не взирая на бесконечные их изменения, неужели одним дуновением погасит бесценную душу — дыхание уст Своих? Неужели в Его благой воле — определить целые тысячелетия для существования солнечной системы и, после кратких лет земной жизни, обратить в ничтожество Свое лучшее творение?

Природа подтверждает этот закон указанием на то, что в ней нет пустоты, видимая же пустота оказывается носительницей имеющего наступить роста жизни. Какой-нибудь ничтожный кусочек или фрагмент заботливо сохраняется и употребляется опять па образование новой формы. Неужели же самое драгоценное украшение вселенной — разум, дух, личность, и только он обречен на безвозвратную гибель? «Что в рассуждении своего превосходства и духа должно быть постоянною частью универса, то — по словам Лотце — должно продолжаться вечно». При виде бездыханного тела знаменитого Виланда, Гёте воскликнул: «разрушение таких возвышенных дарований представляется чем-то таким, что никогда и ни в каких обстоятельствах не может подлежать вопросу». — «Я не знаю ничего еще такого в природе — говорит Мартино (за исключением такого случая, когда кто-нибудь сообщил бы об исчезновении солнц из звездного неба), что может сравняться по опустошительности с угасанием великих умов. Собранные ими сокровища, их зрелый талант, их светлый взгляд, безошибочный такт их не могут быть сравниваемы с наследственными инстинктами: перечисленные качества безусловно персональны и неотъемлемы; существенные условия будущей мощи, бесполезные для расы, и совершенные для окончательного роста индивидуума. Если такому росту не суждено осуществиться, то, значит, самый блистательный гений лопаается и исчезает, как ночной фейерверк».

Сердце чувствует, что это так же истинно в отношении пелой личности, как и одного интеллекта. Стоя при гробе дорогого лица, сраженного смертью в расцвете лет и сил, кто удержится от того, чтобы в этот потрясающий и вместе таинственный момент не воскликнуть, что такая чистая душа, такая небесная краса, такая нежная симпатия не может исчезнуть в волнах вечности? Эти чувства находятся в столь совершенной гармонии, в таком близком сродстве с любвеобильным сердцем Самого Небесного Отца. Так должно быть. Почивший непременно пробудится для лучшей жизни в надзвездных обителях.

Но, быть может, наиболее сильное личное убеждение в бессмертии находится в интроспективной психологии. Если бессмертие является еще и теперь, во время земной жизни, нашим достоянием, а не приобретает только в будущем, то, несомненно, должны существовать некоторые указания, склонности, предвестия этого бессмертия в нас самих, не

смотря на некоторую призрачность их, по причине наших плотских уз. В самом деле, вместо того, чтобы отыскивать доказательства вне, почему не взглянуть внутрь себя самих? Почему не поискать в своей душе отражений Самого Творца, по образу Которого создан человек? В каждом здравомыслящем прежде всего рождается психологическое убеждение, что он представляет собой нечто большее, по сравнению с телом, и нечто особое от последнего. «Мыслю, значит существую». В этих словах заявляет о себе инстинктивное сознание, по которому реальная личность — не тело, а дух, который, в качестве имматериального принципа, тревожится от разрушения тела не более, нежели квартирант — переменной комнат. Эта мысль красиво выражена Вениамином Франклином в его эпитафии: «здесь лежит тело В. Франклина, печатника (похожее на крышки старинной книги, на которых стерлись буквы и позолота), сделавшееся пищей червей: однако, не совсем погибло оно, потому что (как он веровал) еще раз явится в новом и более лучшем издании, исправленном и дополненном автором». Еще лучше та же мысль вылилась в прекрасных стихах нашего Пушкина: «Нет, весь я не умру»!.. Все философы признавали силу такого и других внутренних убеждений, названных Декартом «врожденными идеями». Откуда же происходят они? Откуда получаются эти сильные психические впечатления, что человеческий дух есть только постоялец в теле, помнящий о когда-то доставшемся ему в удел райском жилище и надеющийся, в блаженном бессмертии, на еще лучшее царство небесное? Платон думал объяснить эту загадку воспоминанием души о созерцавшихся ею, до рождения в мир, вечных идеях: Аристотель — из формативного интеллекта; Кант — из предшествующего всякому опыту рассудка, в качестве творца опыта. Для души, которая чувствует эти врожденные идеи сознания, являющейся чем-то большим по сравнению с организмом, в котором обитает она, бессмертие особенно сильно заявляет о себе в самых сокровенных глубинах человеческого духа.

Любопытным доказательством этой врожденной устойчивости сознания служит то, что мы не в силах представить себя прекратившим существование по смерти. Теоретически мы, сколько угодно, можем представить себе свое уничтожение, но только не в состоянии реализовать его факт, потому что самая робкая мысль о разрушении преобладает инстинктивным чувством будущей жизни. Как только, например, мы попытаемся вообразить себя мертвыми, в действительности мы представляем себя находящимися при своем погребении, слышащими надгробные речи и видящими все происходящее, сопровождающими печальную процессию до самой могилы, смотрящими на опускаемый гроб и соболезнующими слезам и скорби осиротелых родственников. Никогда не можем мы представить себя в состоянии абсолютного уничтожения, а, наоборот, всегда являемся присутствующими, в качестве живых свидетелей, при своем бездыханном теле. Главная причина смертобоязни состоит в том, что инстинктивно мы думаем о себе не как об умерших, а только как о живущих в каком-то безграничном пространстве.

Указанный психологический закон имеет приложение также и к другим. В самом деле, сколько угодно мы можем думать о скончавшихся друзьях, и, однако же, оказываемся решительно не в состоянии представить их, в качестве мыслящих, на-веки прекратившими свое бытие. Какими смутными и неопределенными ни были бы наши мысли об умерших, — все равно, мы представляем себе последних не иначе, как только существующими. Несомненно, представление факта еще не служит порукою его реальности, однако высшее умозрение утверждает, что необходимость мышления о факте является уже отображением его реальности: ибо установленный Богом порядок должен соответствовать тому, что абсолютно-неизбежно в человеческом разуме; в противном случае мы могли бы жить, как живем, в этом мире, посредством разума и выводимых из него заключений. Что абсолютно-необходимо по суду чистой мысли, то должно быть реальным. На основе этой истины постулируются Бог и методы

творения. Теперь, если смерть, в смысле окончательного прекращения всякого мышления, немислима, то и такое уничтожение ума должно быть не реальным; и если продолжение существования ума является абсолютнонеобходимой концепцией здравого разума, то упомянутому продолжению существования должна соответствовать известная реальность. Так, именно, размышлял Гёте в словах: «для мыслящего разума решительно невозможно думать о себе, как о несуществующем, переставшем мыслить и жить; в такой мере каждый в себе самом носит доказательство своего бессмертия и, при том, совершенно произвольно. Но как только человек захочет быть объективным и выйти из себя, как только захочет он догматически обнять продолжение своей личной жизни, с целью подкрепить внутреннее в ней убеждение, так впадает в противоречие».

К этому присоединяется следующее доказательство, по которому добродетельные люди, в известной стадии своего духовного опыта, достигают абсолютной уверенности в своем вечном единении с Богом. Последняя настолько же реальна и позитивна, как факт их собственного существования. Подлинно, духовный человек приходит к убеждению, что «он в Боге пребывает, и Бог — в нем» (1 Ии. 3, 24). Он твердо содержит эту истину, не взирая на тяжкие испытания, и встречает смерть без тени страха и сомнения. Ежедневно можно наблюдать такую внутреннюю уверенность в бытии Божиим и в личном бессмертии, особенно сильно проявляемую людьми на смертном одре. Оглядываясь в глубь прожитых веков, мы видим необъятное облако святых мучеников, преобразователей, миссионеров, запечатлевших свою непоколебимую веру своими многолетними и, на первый взгляд, безнадежными трудами и страшными жертвами, в сопутствии самых жестоких пыток и добровольной борьбы с всемогущим князем века сего. Бесстрашно и со славой прошли они огненные пытки, благодаря своей твердой вере в то, что их, всецело посвященная Богу, жизнь не могла и не должна была сделаться добычей смерти. Нет спору, что никто не может воспользоваться опытом другого в качестве своего собственного доказательства; но такое свидетельство, в соединении с другими свидетельствами, несомненно подкрепит нашу уверенность в том, что в основе веры в загробное существование находится некоторая реальность.

Кроме того, изучая природу и конституцию самого разума, мы логически приходим к вере в бессмертие. Изумительные размеры человеческой способности к неограничиваемой никакими пределами мысли решительно противоречат идее об её исчезновении после сравнительно короткого срока земной жизни. В физическом отношении человек является ничтожнейшим атомом в необъятности вселенной. Однако даже и «самая большая звезда уместается на малой поверхности телескопа». За то взятый, как дух, человек превосходит всю комбинированную материю вселенной. Внутри его заложена таинственная сила, посредством которой он может, по своей воле, воспарять над временем и пространством, открывая один за другим целые миры с их законами, взвешивая созвездия, распутывая тайны природы, завоевывая ее могущественными цивилизациями, находясь в отдаленных сумерках начала или конца времен и не обретая во всем универсе ничего, превосходящего собственный его разум, за исключением его несравненного подобия — Бесконечного Разума. Эта безграничная способность интеллекта состоит в решительном противоречии с мгновенным прекращением его существования. «Все наши интеллектуальные действия, — по выражению Эмерсона, — сопровождаются чувством абсолютного существования». «Для меня, — говорит Гёте, — вероятное бытие моей души доказывается идеей деятельности».

Кроме того, самая жизнь в умственном, эмоциональном и духовном отношениях является несовершенной и фрагментарной. До какой высоты развития ни подымался бы человек, никто еще не достигал предела полного расцвета своих способностей. Ни один человек не оказывался совершенно удовлетворенным со стороны своего разума, сердца или высших идеалов. Наш

разум только схватывает мелькающие проблески бесконечной истины, вечной последовательности идей; лишь на поверхности их скользит его духовный взор, хотя в нем находится ясное сознание своей способности — углубиться в их содержание, при более благоприятных к тому обстоятельствах. Скорбное сердце несется к некоторой силе в ожидании полного откровения его потаенной глубины и удовлетворения бесконечным стремлениям духа. Нравственное чувство не может получить полного удовлетворения коренного преобразования всего морального универса. Если жизнь не представляет собою самого злого издевательства над нами каких-то темных сил, то мы не можем не простираться за пределы могилы в интересах полного насыщения своих нравственных потребностей. Подумаем только о своих интеллектуальных ограничениях. Наши способности представляют собою только «профетический сегмент» замкнутого круга в посмертном бытии. На этой земле положены предел и завершение развитию животного и растительного царств. Покрываясь в продолжение известного числа лет листьями, цветами и плодами, растение вполне совершает свое назначение, достигает объекта своего творения и предела своего существования. Равно и животные организмы достигают зрелости и затем разрушаются. Но, что касается полного развития умственных дарований человека, то они здесь далеко не достигают своего предела. Способность в двоякого рода идеалам — культуры и личности — безгранична. Каждому присуща эта удивительная сила постоянного созерцания более высоких откровений, нежели сколько он в состоянии реализовать своими ограниченными способностями. Пусть старается он, сколько угодно, — с каждой высшей ступени пред ним только открывается еще более обширная область непознанного. Каждый достигнутый результат только еще более расширяет его способность к еще большему недостигнутому, и эта возрастающая способность, поэтому, служит предвестницей вечности. Чем более учимся мы, тем сильнее в нас жажда к увеличению знания, и тем большею является способность к достижению предположенной цели, так что смерть поражает нас в тот самый момент, в который мы считали себя положившими только доброе начало. Даже в преклонном возрасте мы чувствуем, что нуждаемся в другой целой жизни для музыки, в другой — для искусства, в другой — для науки и в другой — для истории; или же начертываем настолько широкую программу для своих занятий, что исполнение её потребовало бы целую сотню лет в каком-либо высшем учебном заведении. И очень много из того малого, что мы изучаем здесь, окажется бесполезным в том случае, если смерть полагает всему конец. Мы не только полагаем начало, но полагаем начало деятельности лишь немногих своих способностей, каковы, например, рассудок и память, потому что психологи сообщают нам о сорока способностях, остающихся в потенциальном состоянии, пока мы живем на земле. Столь обширная область неразвитых сил не служит ли предсказанием их будущего развития? Нераспустившаяся почка не предуказывает ли на будущий цвет? Может ли быть что-либо более безотрадного по сравнению с тем, как возвращение обширных полей с произросшими на них завязями, из которых вскоре должны распуститься роскошные цветы, только затем, чтобы внезапно убить их морозом и превратить эти многообещавшие поля в пространное кладбище, царство неумолимой смерти? Все части творения, несомненно, свидетельствуют о том, что Создатель — в высшей степени предусмотрительный садовник, чтобы срывать одни только мертвые цветы. Следовательно, наши недоразвившиеся потенции служат залогом их будущего развития.

Таким образом, эмпирическая психология открывает много таких данных в природе нашего духа, которые указывают на вечность с такою же несомненностью, как колебания магнитной стрелки свидетельствуют о присутствии таинственной силы, устремляющей ее в направлении к не известной области. Отсюда происходит это всеобщее чувство постоянного недовольства, мучительной неудовлетворенности, благодаря которому человек никогда не бывает счастлив в

настоящем, а ждет себе лучшего будущего. И все это так походит на блуждающий огонек, неудержимо манящий к себе путника и постоянно его обманывающий. С достижением желанного предмета изменяется только характер недовольства. Александр В. покоряет мир и плачет. Сарданапал восклицает: «чем больше я пью, тем сильнее жажду». Откуда происходит этот ненасытимый душевный голод? Откуда рождаются эти идеалы, не осуществляемые, хотя бы на-половину, ни одним гением, нисходящие и пленяющие человека, обреченного путем бесчисленных ошибок на только незначительное к ним приближение? Если бы земная жизнь представляла собою все, то в таком случае каждая вещь была бы приспособлена для полного удовлетворения человеческого духа, а мы чувствовали бы себя довольными, подобно отрывающейся жвачку корове, или как пасущаяся на злачной ниве овца, без памяти о прошлом и без заботы о будущем. Но эта постоянная неудовлетворенность и это ненасытимое стремление, выраженные в общеизвестном изречении: «суета суетствий», — что это, как не борьба вечности в самой пучине временного? Что это, как не решительный протест бессмертного духа, не желающего насыщаться какими-то «рожками» (Лк. 15:16), но стремящегося на пир вечной жизни?

Затем, что это за мистическое настроение души, когда, под глубоким впечатлением радости или печали, она подымает пас над земным миром и устремляется в направлении к вечности? Так, например, какие-то тайны, какое-то стремление, глубина и вместе откровение существуют одновременно в нашей душе соединенными в дивной гармонии, отторгающей душу от тела и дающей человеку непостижимую способность — осуществлять свое духовное предназначение — родственную близость с несравненной гармонией надземного мира. В упоении музыкальной мелодией, душа артиста, подчас, непосредственно сознает себя бессмертной; да и мы испытываем нечто подобное, хотя и в меньшей степени, когда, в сердечном порыве, возносимся до третьего неба и слышим невыразимые звуки. Или как объяснить эту удивительную борьбу сердца с каким-то духовным существом в продолжение темной ночи, когда человек предается невыразимой печали, пока не забрезжит заря и в его мятежный дух не снизойдет желанный мир? Или, как объяснить это, не поддающееся самому бдительному контролю, испытание внезапной тоски но отчизне, удручающего одиночества и упадка духа, и, затем, мгновенного стремления, овладевающего сердцем так внезапно, как моментально налетевший шквал извлекает музыку из дрожащих струн эоловой арфы? Откуда приходят эти, по-истине, глубокие моменты отгадывания какого-то трансцендентного мира, какой-то высшей Сущности и реальности контакта человеческого духа с Божественным? Проезжающие по Караибскому морю путешественники воображают, что слышат глубоко под водою мелодичный звон колокольчиков, несущийся кверху с погруженных островов. Подобным же образом, временами, и из глубины сердца несетя на его поверхность особая музыка каких-то таинственных голосов, невыразимую прелестью своей свидетельствующая о том, что эти звуки рождены для вечности. По временам наши эмоции подобны морским приливам, производимым притяжением луны и других небесных тел. В другие часы они представляются рождающимися не одновременно с нами, а происходящими из какой-то бесконечной дали, носящимися над человеческими душами и опять устремляющимися в беспредельность. Назовите эти ощущения, если угодно, простыми эмоциями, но испытывающее их сердце непоколебимо верит в то, что они свидетельствуют о чем-то большем, по сравнению с земным миром. Если доверяют чувствам по отношению к реальности видимого универса и, сообразно с ними, устроят целую жизнь, то почему же не полагаться на эти глубочайшие ощущения человеческого духа, подымающиеся в нем подобно морскому приливу, и уносящие его в бесконечность?

Взятые в совокупности, эти мириады деликатных оттенков нашего духа образуют из себя то, что можно назвать душевными инстинктами бессмертия. Но известно, что природа не обманывает инстинктов животных. Когда рыба инстинктивно начинает плавать, птица — -

летать, паук — ткать свой узор, — все они точно исполняют предуказания своей природы. Когда птицы неодолимым инстинктом чувствуют далеко находящиеся теплые края, и, затем пускаются в долгий путь, — они поступают безошибочно и, благодаря верному инстинкту, достигают теплых стран. Неужели, столь безошибочно-верная по отношению к инстинктам животного царства, природа окажется лживой только для высочайшего и благороднейшего инстинкта человеческого духа? «Не знаю как, говорит Цицерон, — но только в человеческих душах находится некоторое предзнаменование будущей жизни, особенно глубоко коренящееся и наиболее распознаваемое в гениальных и возвышенных натурах».

Но самое сильное свидетельство в пользу бессмертия находится в непрерывной и прогрессивно-возрастающей силе истинной аффекции. Кто беззаветно любит, тот имеет в себе постоянно крепнущую уверенность в будущей жизни. В чистой любви содержится залог бессмертия, потому что только одна душа способна к этому возвышенному чувству. Тело не испытывает этого. Любовь — это глубокое сродство душ, жизнь одной души с другою, проявляющаяся в помощи, в воспитании, в различного рода услугах, включительно до самопожертвования. При всяких — внешних и внутренних — превратностях, любящая душа остается неизменной себе и проливает в другую все симпатии и таящиеся в ней лучшие чувства. В истинной любви содержится нечто такое, что убеждает человека в её вечности, ибо любовью открывается бесконечность неудовлетворенных желаний, самой возвышенной нежности, богоподобного самопожертвования. Она сотворена затем, чтобы продолжаться на небе, потому что сама представляет собой частицу неба на земле, ибо истинная любовь не старится. Наперекор дряхлеющему телу, любовь возрастает с юношеской силой, становясь более нежной и готовой на крайнее самопожертвование, так что мы достигаем предела жизни, сожалея о недостаточности времени для насыщения этого вечного чувства и с постоянно усиливающейся тоской. Последняя свидетельствует о загробном продолжении нашей любви, имеющей получить со временем достойный её предмет.

Сильное свидетельство любви в пользу бессмертия не ограничивается узкими пределами только родной семьи. Наоборот, по мере возрастания человека из «душевного», в «духовного», расширяется и его любовь, направляясь от семьи к общине, к народу, государству и, наконец, к целому роду человеческому. Ограниченная любовь к себе преобразуется в самоотверженную преданность слабым, нуждающимся, порочным, неблагодарным и, даже, самым отъявленным злодеям, — в преданность, все покрывающую, всему веру емлющую, на все надеющуюся, все переносящую» (1 Кор. 13:7). Эта любовь является отражением божественной любви и на земле уже предвещает свое продолжение в вечности. Очищенная от всего низменного, духовная любовь требует взаимности, соответствующего ей предмета, и в главнейшие, реализуемые любовью, моменты жизни ничто земное не в состоянии вполне удовлетворить ее. При всей неоспоримой ценности человеческого аффекта, она, все-таки, стремится в направлении в всецелому удовлетворению: «Ты, Господи, создал нас для Себя. — так восклицает она вместе с блаж. Августином, — и наше сердце неспокойно, пока не обрящет своего успокоения в Тебе!». Но во время земного странствования не открывается полной взаимности со стороны этой божественной любви, потому что человек, для своего счастья, требует любви, проистекающей из недр совершеннейшей жизни, в предведении которой псалмопевец восклицает: «насыщуся, внемда явитимися славе Твоей!» Эта бесконечная способность — жертвовать и взаимно получать совершеннейшую любовь, человеческую и божественную, — превосходит всякие временные границы и в обладающего ею вселяет уверенность, что такая любовь достигнет совершенства в блаженной вечности. Уже одна мысль о том, что Бог безжалостно обратит в ничтожество это, созданное по Его образу и подобию, высшее свойство человеческого духа, противна разумному представлению о Боге, как о благом Отце, а не как о темной силе, зло

издевающейся над людьми и любующейся хаотическим завершением мировой жизни. Если совершенный Творец не может не остаться верным предчувствиям Своих созданий, то Он соизволит не только на их бесконечное бытие, но так же и на удовлетворение этого благороднейшего свойства их природы.

Существуют два злополучных взгляда, — на них необходимо остановиться в заключении философского доказательства, — по которым имеют известное значение все предуказания бессмертия, но только последние замыкаются в такие тесные границы, что нарушают действительность упомянутых предуказаний. Первый, особенно распространенный в настоящее время, взгляд — это насчет «условного» бессмертия. По своей природе все люди не бессмертны, а только некоторые становятся таковыми по особой милости Божией. В упомянутом взгляде заявляет себя известная теория о продолжении действия закона, по которому и в загробном мире продолжение жизни будет уделом только наиболее приспособленных индивидов, — таких, которые борьбой за существование добыли себе бессмертие, между тем как негодные будут обречены на окончательную гибель. На первый взгляд эта теория представляется привлекательной, потому что в основу будущей жизни полагает нравственное достоинство личности, и представляется имеющею научно-моральную ценность. Универс сохраняет только то, что полезно; поэтому годное остается в живых, а дурное, как бесполезное, погибает. Так, повидимому, устраняются затруднения в примирении между будущим наказанием и Божиим правосудием. Но, при более внимательном рассмотрении, такой взгляд представится совершенно-неприемлемым. Он кажется гуманным!, только сначала, а для вдумчивой мысли явится безжалостно жестоким.

Предлагаемое решение вопроса совершенно противонаучно. Прочная основа бессмертия содержится в постулате, по которому сознание служит только спутником мозга, а этот последний — его орудием, причем сознание обнаруживает способность к самостоятельному существованию, после отделения души от тела. Но в случае, если бы одни индивидуумы оказались бессмертными, а другие — обреченными на окончательную гибель, то можно было бы ожидать, по крайней мере, хотя некоторого различия между двояким отношением сознания к мозгу в том и в другом случаях. С научной точки зрения было бы естественно предполагать, что сознание хороших людей носило бы признаки будущего существования отдельно от мозговой материи, между тем как, наоборот, сознание негодных людей обнаружило бы противоположные признаки отождествления с этой материей и невозможности отделения от неё. Однако, наука не открыла решительно никакого различия между сознанием и мозговой материей добрых и злых. Проблема и тайна дальнейшего существования остаются одинаковыми для тех и для других. Научные изыскания не открыли никаких следов различия между двумя упомянутыми классами людей, у одного с душами и без них у другого, или сколько-нибудь большей легкости разлучения души с телом в одном случае сравнительно с другим. Рассматривая человеческую структуру, наука утверждает одно из двух: или у всех есть душа, или её совсем нет ни у кого, — смотря, разумеется, по тому, какое направление является господствующим в науке.

Рассматриваемая теория не состоятельна и в философском отношении. Только повидимому представляется достаточно основательным положение, по которому универс, обыкновенно, сохраняет лишь одно полезное и существенно-необходимое для своего благосостояния, и что, поэтому, негодные души обращаются в небытие. Но думать, что негодные души не могут иметь никакого значения в будущем, значит выводить ложное заключение. Надо признать ценность уже одной потенциальности, соответственно ценности достижения взятой цели. Не мешает здесь подумать о том, насколько низко ценится человеческое достоинство по такому взгляду. В конце концов, человек оказывается только животным, погибающим естественною смертью; по душе и по телу он смертен подобно ему, и, однако, в то же самое время, этот данник

естественной смерти облечен поразительно противоречащими его естественному назначению свободной волей и нравственной ответственностью! Что за странное представление образуется такую теорией о сверхъестественном, по которой Сам Бог находится в постоянном процессе иммортализации погибающих тварей! От такой теории отдает надменностью и крайним эгоизмом. В ней очевидна попытка создать какую-то исключительную аристократию, с претензией на бессмертие, сравнительно, небольшого числа лиц, и с предоставлением значительному большинству рода человеческого печальной необходимости — навеки исчезнуть в бездне небытия. Может ли пламенеющее ко всем любовью сердце успокоиться на призрачном счастье — бессмертии только немногих избранных? Для такого сердца закрыты пути, потому что неизвестность насчет ближних: в состоянии ли они достигнуть блаженного бессмертия? — непременно будет сопровождаться тягостным сомнением в виду обречения большинства на совершенное исчезновение. Ибо чем выше в нравственном отношении находится известная личность, тем более недостойной будет считать себя; так что, вместе с нравственным усовершенствованием, истинно-святой человек станет считать себя менее достойным к восприятию загробного блаженства, по сравнению с другими людьми. И получится отсюда только то, что лить одни фарисеи будут считать себя достигшими совершенства и возблагодарят Бога за то, что они «не якоже прочий человецы» ([Лк. 18:11](#)).'

Обращаясь, затем, к оценке этой теории с моральной и религиозной точек зрения, мы находим её абсолютно-неприемлемою. Она небиблейская, и, чтобы сделаться последнею, она должна найти в [Библии](#) такие определения понятий о вечной жизни и смерти, по которым первая означает продолженное бытие, а вторая — прекращение его. Между тем как, наоборот, более глубокое изучение Свящ. Писания показывает, что вечную жизнью означает бытие с присоединением благодатных даров, а вечной смертью — бытие без этих последних; ни в том, ни в другом случаях бытие не является ограниченным. Далее, что за противоречие библейскому духу представлять Бога стоящим на стороне только одних избранных и допускающим большинству Его несчастных тварей сделаться добычей вечного уничтожения! Как провести такую разграничительную линию, которая отделяла бы добрых от злых, способных к вечной жизни и неспособных для неё, так как человечество представляет из себя смешение добрых с злыми, в числе которых нет ни совершенно-святых, ни демонически-грешных, но те и другие являются более или менее с примесью хороших и дурных качеств, причем в числе злых находятся и добрые и, наоборот, в числе добрых — злые, но все с общею способностью к продолжению бытия.

Защитники разбираемого взгляда думают, что им оправдывается Божие правосудие, между тем как, наоборот, он более создает, нежели решает недоумений. Если злодеи мгновенно исчезают по смерти, то где же удовлетворение правосудию? Ведь для какого-нибудь жестокого тирана отнять у других тысячи невинных жизней и потом жить в довольстве, чтобы умереть мгновенно и обратиться в ничтожество, было бы довольно выгодно, зато пагубно отразилось бы на правосудии. Самые отъявленные злодеи согласились бы на такой исход. Но прирожденная всему роду человеческому вера в окончательное торжество правосудия была бы потрясена до основания. Не поможет решить затруднение и такое видоизменение теории, что злодеи будут долгое время по смерти нести наказание, прежде чем обратятся в ничтожество. Ибо чем гарантируется их посмертное существование? Если они были смертными по природе во время земной жизни и не боролись за правду, то они не должны существовать и по смерти. Но, — возражают защитники этой теории, — Бог воскрешает их, даруя им временное бессмертие, с целью наказать их. Ответим на это. Не будет ли слишком ужасным представление о Боге, воскрешающем мертвых только для одного наказания? Не сравним ли мы Бога с палачом, оживляющим повешенных с целью опять вздернуть их на виселицу? Или не окажется ли Бог

подобным инквизитору, приводящему в чувство из обморока свою жертву, чтобы подвергнуть ее еще более ужасным пыткам? Такими ли способами удовлетворяется небесное правосудие? Допустив, затем, что злодей опять оживет по смерти, спросим: какую силою он обращается в ничтожество? Грехом, отвечает теория, потому что [грех](#) носит в себе самоуничтожение. Наоборот, сам по себе грех не содержит в себе уничтожения. Он истощает смертные тела, но только никак не свое качество. Потворство греху нисколько не служит к истреблению последнего, а, наоборот, только содействует его развитию. Гордость, зависть и ненависть уничтожаются ли потворством, или, наоборот, еще более возрастают, благодаря упражнению в них? Если, далее, грех никогда не поедает сам себя в своем духовном качестве, то чем же приведется в небытие злодей, раз он воскреснет из мертвых? Единственно только Божиим произволением. Однако, и здесь мы сталкиваемся с очень низменным представлением о Боге — Отце рода человеческого, потому что Он оказывается в столь сильной степени под неотразимую власть греха, что должен прибегнуть к единственному, имеющемуся в Его распоряжении, средству — насильственному истреблению большей части Своих разумных тварей.

Таким образом, мы приходим к решительному суждению о рассматриваемой теории. При всей видимой привлекательности, она несостоятельна, по своим поражающим представлениям о Боге и человеке. Когда взглянешь на бесчисленные мириады разумных тварей, рассеявшихся по лицу земному в течение минувших тысячелетий, и подумаешь о тех беспомощных ордах, которым не улыбнулась борьба за существование, и которые, по всей вероятности, окажутся — (по этой теории) недостойными будущей жизни, то уже один страх при виде пространного поля, с трупами павших в неравной борьбе, то уже одно ужасающее зрелище все уносящего с собою в бездну небытия бурного потока, одна мысль о страшной ошибке Творца, так жестоко разрешившего загадку жизни и смерти, служит сильнейшим опровержением безумной теории. Если Бог поступил бы так по доброй воле, — тем хуже, потому что люди не могут поклоняться такому Богу; Он был бы не Богом, а каким то Молохом. Если, даже, обыкновенные смертные, не щадя никаких жертв, посылают миссионеров для спасения самых отверженных и несчастных братьев, то неужели общий всех Отец небесный не захочет оказать хотя подобного сострадания к падшим? Не достоверно ли и то, что вопреки общепризнанного в науке закона о победе сильных над слабыми, величайшей славой христианства является учение о спасении слабых? Величайший злодей и самый последний грешник больше других нуждаются в небесном милосердии. Неужели явившийся в наш грешный мир и свидетельствовавший о Себе, как о добром Пастыре, Который оставляет девяносто девять овец в горах и спешит отыскать заблудившуюся ([Мф. 18:12](#)), или, как сердобольный Отец, ожидающий возвращения блудного сына ([Лк. 15:20](#)) — неужели Господь останется всеблаженным с относительно малым числом избранных, которым, благодаря счастливой борьбе, удалось пережить своих слабых братьев? Насколько же более почтенна и согласна с благородными движениями человеческого сердца мысль о бессмертии всех людей, в связи с надеждой, что, как-бы ни велика была сила сопротивления человеческой воли Божьему закону, однако, еще более могущественною оказывается бесконечная любовь.

Другой, в высшей степени удручающий, взгляд на бессмертие, разделяемый, к сожалению, очень многими приверженцами, состоит в отождествлении посмертного бытия с потерей личного самосознания, посредством погружения в бесконечность. В неизмеримом цикле веков, — говорят, — может продолжаться только бесконечное. Будучи конечною, человеческая душа необходимо, в конце концов, должна поглотиться бесконечным. Человек бессмертен; но дух его должен раствориться в Боге, даровавшем его, чтобы Бог мог сделаться «всяческим во всех» ([1 Кор. 15:28](#)). Но так решать вопрос значит предлагать камень вместо хлеба и змию вместо рыбы. В данном ответе выступает претенциозное издевательство над самыми лучшими человеческими

чувствами в пользу бессмертия, ибо погружение в бесконечность практически равносильно всецелому уничтожению. Какое различие между тем, казнят ли нас на морском берегу, или потопляют в бездонной пучине? Наше сознательное тождество уничтожается в том и другом случаях. Но почему же конечное не может всегда и совместно существовать с бесконечным? Фактическое существование их на земле служит порукой продолжения его и в вечности. Для чего тогда было и творить конечное, если исход возвращается к началу? Где же здесь хоть какая-нибудь разумность дела Божьего? Мысль о едином Творце в бесконечном пространстве и времени, со всеми погруженными в Него духами, представляется менее содержательной по сравнению с другою — о Творце с драгоценными результатами Его премудрости, любви и долготерпения, собравшимися вокруг Его на пиру вечной жизни. Целый план творения, с бесконечным рядом веков, потраченным на его исполнение, решительно протестует против столь бессмысленного завершения мирового процесса. Человеческая личность представляет собою самый драгоценный продукт творения. Она стоит на верху всего развития; так что, если бы Бесконечный, — по словам Мартино, — поглотил личную жизнь в конце определенного смертного срока, — это более походило бы на жертвоприношение детей Молоху, нежели на взятие Еноха Богом. Личность представляет, собою высочайший факт в целом космосе; и если смерть имеет власть над нею, то нет ничего такого, что пощадила бы она; смерть может погубить самое драгоценное творение Божие. Исчезновение личности является уничтожением бытия, на место которого ставится пустота; но природа не знает пустоты. Завершительный пункт эволюции, предсказания, проистекающие из несовершенства, стремлений, чаяний и нравственного чувства человечества, а также и положительные свидетельства Откровения — все это окажется злою насмешкой, если только личность обречена на окончательное уничтожение. Здесь нет какой-либо посредствующей между двумя противоположностями мысли. Логически правильным должно признать одно из двух: или бессмертие личности, или её уничтожение. В какую сторону должно склониться наше решение, — это ясно из всего вышесказанного.

III. Голос веры.

Вопрос о бессмертии, в конце-концов, получает тот или другой ответ, смотря по тому, какое представление имеется у нас о Боге и о нашем моральном чувстве. Непоколебимое упование бессмертия зиждется на разумной вере в любовь и благость Божию.

Каковы же предсказания веры? Божественное Откровение учит о личном бессмертии. Ученые толкователи различаются между собою только не вполне одинаковыми взглядами на форму и полноту Откровения, а также неодинаковым объяснением некоторых его мест; за то все согласны в том, что Слово Божие ясно поучает истине бессмертия человеческой души. Божественное Откровение о будущей жизни начинается несколько примрачно; затем, постепенно уясняется, пока, наконец, не озарится светом евангельского учения. Имеется достаточно данных для полного доверия к нашей Библии. В самом деле, когда взвесим внутренние и внешние свидетельства в пользу её истинности, проследим её исключительную историю на протяжении целого ряда веков, могущественное влияние её на преобразование многих цивилизаций, среди которых ей суждено было утвердиться, а, — главное, — подумаем о тех путях, которыми достигает она до каждой, стремящейся к истинной жизни, души, о словах её, проникающих до глубочайших недр сердца, о благодетельном её влиянии на всех страждущих (один Бог сотворил человека и Он же даровал Откровение), — то как не положиться на библейское учение?

Присоединим к этому, прежде всего, свидетельство о воскресении Христовом. Соглашаясь с тем, что истина человеческого бессмертия не может всецело опираться на историческую действительность одного этого события, тем не менее, мы должны признать, что, если воскресение Христово представляет собою действительное событие, то им обеспечивается и наше загробное существование. Если восстал из мертвых один Человек, то является доказанным, по крайней мере, то, что из гроба может воссиять жизнь. Произойдет ли это во всех случаях, — на то требуются особые доказательства; но великим приобретением служит уже одна мысль о том, что это может случиться, потому что случилось однажды. В рассуждении взятого предмета существуют и, надо полагать, всегда будут существовать две точки зрения. Одни говорят, что имеющиеся в Библии свидетельства, достаточные для установления ординарных исторических происшествий, далеко недостаточны для засвидетельствования такого необыкновенного события, которое противоречит всякому человеческому опыту, и что истина воскресения никогда не сделалась бы предметом веры, если бы она не отвечала чающему бессмертия человеческому сердцу. По мнению других, с указанной точки зрения нельзя доказать никакого — поразительного события, потому что ежедневно принимаются нами за достоверные факты, решительно противоречащие всякому предшествующему опыту; поэтому, единственно-надежный путь ведет нас к тому, чтобы исследовать достоверность и признать результат. Что такое воскресение возможно, это зависит от решения вопроса: есть ли Бог, или Его нет? Материальный универс и жизнь не могут быть объяснены без признания истины бытия Божие. А если так, то Он должен быть Господином, а не рабом Своего творения. Он должен быть в силе видоизменять, или действовать в совершеннейшей гармонии с естественными законами. Следовательно, воскресение возможно. Что же касается того, угодно ли Богу совершение такого поразительного чуда, то последнее зависит всецело от потребности в нем, открытой Его божественному всеведению, а также и от самого исторического факта: действительно ли произошел он действием Божьего всемогущества? Таким образом, мы подошли к вопросу о факте.

Прежде доказательства очевидности полезно иметь в виду следующее: если бы, в конце-

концов, для кого-нибудь показались неубедительными данные в пользу телесного воскресения Христова, то, все-таки, уже Одна пламенная [проповедь](#) о нем и повсюду распространенная вера служили бы свидетельством бессмертия, говоря о составившемся у всех христиан убеждении, что такое Лицо, как Христос, не могло умереть безвозвратно; что такое необыкновенное воплощение мудрости, благости и самопожертвования не могло окончить дней своих только на земле, а должно было воскреснуть духовно и, таким образом, еще раз подтвердить врожденное всем убеждение в окончательном торжестве нравственного превосходства. Затем, необходимо уяснить себе ту истину, что, какими бы убедительными ни были доказательства Христова воскресения, принятие или отвержение их зависит от различных индивидуальных симпатий и предрасположений. Ни одна из двух спорящих сторон не уступит другой, потому что в основе окончательного решения находится предрасположение к вере или неверию. Однако, не мешает искренно сознаться в том, что в настоящем случае, пожалуй, не более опасности со стороны предрассудков против всего сверхъестественного, нежели и со стороны таких горячо-верующих, которые хотят доказать слишком много. Вот, почему люди, прежде всего совершенно симпатизирующие возвышенному характеру Христа, менее других затрудняются признать истину воскресения, при всей её видимой поразительности. Самый надежный путь реализовать достоверность воскресения — это начать с Самого Христа и спросить: как объяснить себе поразительно-чудесное Лицо Его? Сам Он, — так кажется нам, — представляет Собою величайшее чудо, по отношению к которому воскресение является только необходимым следствием последнего. Как объяснить Его поразительную мудрость, какой не открывалось в прошедшие века, и которой не исчерпывали последующие? Его необыкновенно-возвышенное учение занимает исключительное положение на протяжении всех времен и мест. Великие мудрецы мира схватывали только малые крупички истины. Он же принес полное откровение прошедшего, настоящего и будущего. Они являются только звездами, а Он — солнцем правды. Помыслим только об одном палестинском жителе (которого считали простым плотником), исходящем из узких пределов назаретских и сообщающем поразительное Откровение о царствии Божием, которое возглавляется любящим Отцом, всеобъемлюще и существует совместно с родом человеческим; открывающем, что всемогущий Создатель — Отец всех людей, пекущийся о каждом человеке; что Он — Бог-Спаситель, хотящий всем человекам спастись; что всякая душа бесконечно дорога в Его очах, что она может возродиться и совершенно преобразоваться, и возвещающем самые возвышенные начала, доселе еще лежащие в основе всего социального и духовного прогресса в роде человеческом. Присоедините к этому Его совершеннейшую жизнь с безусловной преданностью Богу и с крайним самопожертвованием человеку, — жизнь, о которой друзья и враги одинаково судили, как об исключительном явлении, благодаря её безупречной чистоте и всецелому самоотречению. Представьте себе такую личность, не только никогда не обличенную врагами в каком-нибудь грехе, но пред всеми заявляющую, что сама она не знала за собой никакого греха и совершенна в глубочайших тайниках своего сердца. Как объясним мы себе происхождение такой личности? Довольно ли одной наследственности и среды, Давидовой родословной и назаретской обстановки для произведения такой исключительной жизни, выделяющейся своим неземным совершенством из всего рода человеческого? Можно ли сослаться на какое-то самообольщение в рассуждении о Том, мудрость Которого изумляет целый мир? Захотел ли бы обычный человек в столь крайней степени жертвовать собой? На это может следовать только один ответ, данный Самим Спасителем, что в Его Лице явился Сам Бог во плоти, откровение всесовершенного Творца во времени. Если держаться такого, именно, взгляда на богочеловеческое Лицо Христа-Спасителя, и если следовать за Ним по возвышенному евангелию от Иоанна, которое дышит Его духом и вводит нас в самое святое святых Его мыслей, мотивов и стремлений, то Сам Христос

представится нам чудом, а Его воскресение только логическим выводом из всей Его земной жизни. Итак, Сам Христос является первым и величайшим свидетелем в пользу Своего воскресения.

Теперь, рассмотрим беспристрастно следующие факты: нравственный характер «свидетелей», число их, из которого многие выделялись критическим умом и высоким образованием; их личное отношение к фактам, которых они были очевидцами; их согласие между собою в существенном, не без различия только в некоторых второстепенных частностях, доказывающего лишь то, что очевидцы наперед не заключали между собою какого-либо договора; взвесим значение того факта, что они свидетельствовали непосредственно после совершения событий и, при том, открыто, в самом Иерусалиме, и не однажды, по требованию обстоятельств, повторяли свое свидетельство; необыкновенную простоту их речей; решительное противоречие, в каком свидетельство их состояло к пережитым ими дням крайнего сомнения и неверия; отсутствие всяких корыстолюбивых и подобных им побуждений; внезапный переворот, сделавший из боязливых людей неустрашимых мучеников; неизменную твердость их свидетельства, запечатленного страшными пытками, даже, до самой смерти; победы, одержанные проповедью о воскресении над различными религиями и цивилизациями; существование высших наций, достигнувших своего положения, благодаря принятию ими христианства, — и затем уже подумаем о том, не служат ли все эти факты, вместе с необыкновенным по своей высоте нравственным характером Самого Христа, достаточным свидетельством в пользу исторической действительности воскресения?

В случае утвердительного ответа на этот вопрос, человеческое бессмертие явится достаточно обеспеченным. С принятием Христова воскресения мы приобретаем нравственную уверенность, как и, наоборот, с отрицанием его рухнет целый ряд доказательств, служивших твердою опорой веры для многих миллионов христиан, на протяжении целого ряда веков.

В связи с данными Откровения и чуда Христова воскресения находится подтверждение, происходящее из высочайшего морального чувства, присущего каждой человеческой душе. Одним из наиболее поразительных признаков упомянутого чувства служит общая всем людям идея Бога. За немногими исключениями, обязанными, по всей вероятности, неточным наблюдениям и только подтверждающим общее правило, нет человека на земле, который инстинктивно не постигал бы истины бытия Божие. Не смотря на возможную обособленность своего существования от всех других членов человеческой семьи, сердце каждого непосредственно чувствует бытие высшего морального Существа. Это — многократно удостоверенный факт. Психологи брали глухих, немых и слепых детей и строго запрещали кому-либо сообщать им что-нибудь о бытии высшего Существа: однако, по достижении более зрелого возраста, испытуемые, — оказывалось, — уже имели в своем сердце некоторое чувство, а в уме — знание о бытии Божиим. Во всех случаях результат был такой же, как и с происходившим в Бостоне испытанием, где одна глухонемая и слепая девочка содержалась в полнейшей изоляции целых двенадцать лет. Экспериментаторы предполагали, что заключенная не имела ровно никакого понятия о Высшем Существо и, затем, поручили одному почтенному епископу (Филиппу Бруксу) просветить ее богопознанием. Но когда тот начал ей говорить о бытии и свойствах Божиих, девочка сразу дала понять, что она никогда до сих пор не слышала Его имени, зато всегда знала Его.

Что иное означает это нахождение во всех людях идеи о Боге, как не то, что Сам Он напечатлел в человеческой душе, чувствующей и свидетельствующей о своем родстве с Творцом?

Вместе с этой идеей в человеке заложено также чувство нравственной ответственности. Называемое иначе нравственным долгом, обязанностью, пли категорическим императивом, это

чувство является наиболее выразительным по сравнению с другими душевными свойствами в человеке. «Существуют два предмета, — по словам Канта, — которые, чем чаще и внимательнее мы всматриваемся в них, тем более наполняют душу все снова и все более возрастающими удивлением и благоговением: звездное небо надо мною и моральный закон во мне... Созерцание бесчисленного множества миров уничтожает, так сказать, мое значение как животной твари. Наоборот, второй неизмеримо возвышает мое значение, как разумного существа, — и это происходит благодаря моей личности, в которой нравственный закон и открывает предо мною жизнь, независимую от животного царства, которая не ограничивается условиями и пределами этой жизни, но простирается в вечность». Размышляя о Боге, бессмертии и долге, Джордж Элиот воскликнула: «насколько непостижим первый и невероятно второе, настолько вечен и абсолютен третий!». Но как же не заметила она того, что признанием абсолютного значения за нравственным долгом свидетельствуется истинность бытия Божие и человеческого бессмертия? Ибо откуда происходит это чувство нравственного долга, этот категорический императив, который повелевает делать добро, избегать зла и бояться нравственной ответственности? Не из социальных инстинктов диких зверей, постепенно совершенствовавшихся при благоприятных условиях; не из естественной эволюции симпатии, заступившей место первобытного эгоизма, потому что моральное чувство всегда, на всем протяжении человеческой истории, само сопутствовало развитию человечества, видоизменяло его инстинкты и непрестанно их облагораживало. В противном случае, что же, именно, побуждало человека производить нравственный выбор доброго? Мы не в праве сказать больше того, что моральное чувство родилось из «потребностей социального благополучия», ибо последним требуется лишь то, чтобы существа, умеющие приспособляться к обстоятельствам, переживали менее способных к этому своих противников. А между тем, по свидетельству житейского опыта, нравственное чувство нередко заставляет нас стать во враждебные отношения с этим благополучием и, в благоговении перед святостью человеческой жизни, мы стараемся продлить жизнь безнадежно-больных, увечных и достигнувших старческого возраста. Такое моральное чувство не могло развиваться из стремления к социальному благополучию, ибо оно направляется прямо против последнего. Следовательно, единственно-правильное объяснение происхождения его состоит в том, что, не имея своим источником ни внешний, ни внутренний опыт, оно даровано нам свыше, единым Подателем всяких благ. Если же так, то уже самое величие этого чувства требует и соответствующей области для его завершения. Существование столь высокого верховного судилища внутри нас, это чувство личной свободы и ответственности, этот нравственный закон, в связи с одобрением и необходимостью выбора, чем человек решительно отличается от животного, являются чрезвычайно изумительными преимуществами, чтобы для их развития достаточно было кратковременной земной жизни. Сущующий в опыте человек является чрезмерно вооруженным для какого-то призрачного бытия; ибо многие решения стоят выше каких-нибудь отношений к социальному благополучию, особенно, когда человек является беспристрастным судьей в делах идеального чувства чести и нравственных обязательств, хотя бы он жил на каком-нибудь необитаемом острове. Мы экипированы подобно океанскому пароходу, стоящему в малой бухте, свидетельствуя, что не намерены крейсировать только в ней, а стремимся переплыть ее и узкими вратами выйти в открытый океан вечности.

Таким образом, нравственное чувство удостоверяет нас в загробной будущности. Как бы ни было извращено оно или какими бы сомнениями ни обуревалось, но, глубоко внедренное в человеческое сердце, оно неизменно говорит о том, что всегда должно делать только одно добро и избегать зла, и что эта истина имеет вечную ценность, и, не ограничиваясь узкими пределами земной жизни, требует для себя посмертной вечности. Моральным чувством постулируются всесовершенный Бог и этот мир, как лучший в данных условиях. Но если, наоборот, смертью

завершается все, то она окажется самым страшным и непоправимым злом, и нравственное чувство будет оскорблено тем, что добро и зло никогда не получают здесь справедливого воздаяния. Равным образом, персональные веления этого чувства в отношении каждой разумно-свободной личности логически приводят к вечности, в смысле неизбежного условия для усовершенствования последнего. Мы вырастаем в идеалах правды. С каждой ступенью развития возрастает и наше требование, пока мы поймем, что наше моральное чувство требует усовершенствования и никогда не удовлетворится чем-либо меньшим. Мы считаем это требование авторитативным, разумным и возвышенным; но в условиях земного существования такое усовершенствование оказывается невозможным. Оно достижимо только в смысле постепенного приближения к отдаленной цели. Если же это, Богом данное, чувство требует невозможной здесь реализации, то должна быть вечная жизнь, в которой осуществима последняя; или, — как выражается Кант, — абсолютное благо и моральное Существо заключают в себе прогресс абсолютного блага в стремлении к моральному Существо. Этот завершительный процесс является невозможным без непрерывного бытия одного и того же существа. «Высшее благо практически является возможным только под предположением бессмертия души; следовательно, как неразрывно связанное с нравственным законом, последнее служит постулатом чистого практического разума».

Мы уже видели, что убеждение в бессмертии приобретает человеком по мере изучения дел Божиих в целой вселенной; а еще более, когда он исследует свою внутреннюю природу; но особенно сильно заявляет о себе эта уверенность в том случае, когда он, наконец, приступает к исследованию природы Божества. Здесь вера достигает предела нравственной достоверности после того как, постепенно возвышаясь над внешней природой и над человеком, она успокаивается в конце концов, на бесконечно-нравственной природе Божества. Даже и для атеиста открывается возможность бессмертия из показаний природы и человека; но только уверенность в бытии Божиим возможность бессмертия обращает в нравственную достоверность. В самом деле если существует высочайший Бог, то Ему должно принадлежать совершенство. Если же Он совершенен, то каждым Его свойством удостоверяется наше загробное бытие. Во-первых, Бог бесконечно премудр. Теперь, может ли какая-нибудь разумная концепция мудрости оправдать уничтожение рода человеческого? Достойно ли премудрого Бога — сотворить материю с предназначением ей долгого существования, и допустить, после краткого времени земной жизни, гибель созданного по Своему образу и подобию человеческого духа? Разумно ли это с точки зрения, именно, Его вечной славы? Найдет ли для себя какую-нибудь славу царь, господствующий над неизмеримым кладбищем? Захочет ли какой-либо здравомыслящий монарх подвергнуть смертной казни своих подданных, предпочитая царствовать над трупами, а не над мириадами живых субъектов, прославляющих его днем и ночью, исполняющих его царскую волю, побеждающих зло и, наконец, все покоряющих под ноги его? Возможно ли согласовать с бесконечною мудростью Творца — развить эти необъятные процессы к производству человека для того только, чтобы уничтожить его потом? Это было бы безумной затратой энергии и удостоверением Своей неспособности к созидательному делу. Разумно ли было творить существа, наделенные силами и способностями для никогда недостижимой ими сферы, с ближайшей перспективой совершенного их уничтожения? Впрочем, премудрость, взятая в отдельности, могла все это знать и не иметь сил предотвратить бедствие. Но, в соединении с Божиим всемогуществом, она служит залогом нашего бессмертия.

Остановимся, далее, на святости Божией в её соединении с правосудием. Божественным совершенством предполагается, что Он вместе и свят и правосуден. Когда мы сомневаемся насчет этого, то причина сомнения кроется в том, что мы судим о Нем по неоконченному плану, смотря на леса вместо самого здания, на сегмент — вместо целого круга, и забывая

справедливое изречение:

«Один лишь день тебе, чтоб правым быть».

А Я имею вечность пред Собою». Может ли святой и правосудный Бог положить конец этому миру без восстановления его в будущем? Глубоким убеждением всего рода человеческого и во все времена была высшая правда, которая должна же где-нибудь существовать в универсе! Человек может претерпеть всякие неправды и вопиющие нравственные противоречия в твердом уповании на будущее возмездие; но уже самое робкое представление об ужасающей возможности победы зла над добром и беззакония над правосудием оказывается невыносимым для него, потому что весь космос оно превращает в безумный хаос. Все великие [религии](#) человечества, все его прогрессивные законодательные кодексы, все самые разнообразные литературные произведения, все репрезентации его идеалов в театральной эволюции открывают лежащее в основе их убеждение, по которому должна, в конце концов, восторжествовать высшая правда. Никакой «комплект идей для поколений» не может заступить этого убеждения, потому что человек не видит на земле торжества правды, а, наоборот, постоянный опыт убеждает его в широком разлитии неправды по лицу земному. Но, при всем том, однако, он крепко держится своего убеждения, вопреки всякого опыта, свидетельствуя этим самым в пользу веры, как глубокой интуиции в его внутреннем миропорядке. В самом деле, — спрашивается, — правда торжествует ли на этом свете? Никто, при внимательном взгляде на жизнь, не может утвердительно ответить на такой вопрос. Теория «компенсации», по которой все существа сравниваются в окончательном итоге получаемого счастья, опровергается неотразимыми фактами. Никто не получает в этой жизни полной награды или наказания. Один нередко страдает за проступки другого; а тот, в свою очередь, пожинает плоды чужого труда. Даже и возмездие не одинаково за одно и то же преступление: женщину подвергают остракизму, а мужчина получает снисхождение. Какой-нибудь ничтожный проступок часто разрушает целую жизнь и — еще хуже — соединенные с нею жизни близких людей. Очень многие обойдены счастьем в этой жизни, в положении жертв злополучной среды и наследственности, каковы, например, люди низкого происхождения, дегенераты, неизлечимо-больные, умалишенные, рожденные в мрачных подвалах и обреченные в жертву невылазной грязи и всяких пороков. Представим себе всю совокупность человеческого горя в течение одного только дня, эти тяжкие телесные и душевные страдания, обманутые доверия, разбитые сердца, поруганную честь и невинность, бесчисленные убийства с самоубийствами и, наконец, неизбежную смерть. Присоединим к этому страшные опустошения в царстве животных, производимые как этими последними, так и человеком. Оглянемся на прожитые века и подумаем о тех бесчисленных жертвах, которые были принесены для утоления худших appetitов в виде инквизиций, рабства, тирании, гонений и мученичества. Воскресим в своей памяти Гуса на пылающем костре и папу Борджо в золотой тиаре; Саванаролу на эшафоте и Медичи в пышном дворце; обезглавленного апостола Павла и восседающего на троне Нерона; Христа на кресте и правящего миром Тиверия и спросим: неужели какой-либо здравомыслящий станет, после этого, поддерживать теорию «компенсации», или заявит, что здесь торжествовала справедливость? Если же последняя была поправа, то, следовательно, должна быть загробная жизнь для торжества правосудия. Вопреки отрицанию некоторых новейших мыслителей, остается в силе старая альтернатива: или человек бессмертен, или Бог не правосуден. Если земным существованием заканчивается все, то наше краткое странствование на этом свете окажется страшным кошмаром, самоубийство — благодеянием, целый мир — сплошным преступлением, нравственные принципы — пагубными пережитками и злодеяния — выгодными несравненно более добродетели. Но если существует другая жизнь, тогда мы можем положиться на правосудного Бога. Который, по истечении predetermined времени, явит торжество вечной правды Своей. Все мы, в таком случае,

мужественно встретимся с земными бедствиями, уверенные в заправляющей всем Божественной любви, целью которой служит создание не временного счастья, а сильных характеров; не веселых мест для развлечения, а суровой школы; мы опытно познаем, что Правитель мира — это любящий Отец и премудрый Воспитатель, ведающий, что наше нравственное преуспевание требует самой строгой дисциплины, и заботящийся, прежде всего, о развитии всех душевных сил человека посредством ниспосылаемых ему испытаний.

Обратимся, далее, к рассмотрению благодати Божией. Здесь опять нас встречает возражение насчет непримиримости этого свойства Божия с бесчисленными скорбями и страданиями в этом мире. Мы же, наоборот, на основании мировых зол, утверждаем истину благодати Божией. Последняя существует, прежде всего, по причине существования добра в этом мире. Пред нами светлое облако великих апостолов, пророков, мучеников, миссионеров, филантропов, которые все принесли в жертву страждущему человечеству, являя собой примеры самоотверженной любви и самого возвышенного героизма. Откуда же произошло все это? Очевидно, что не само собою и, тем более, не вопреки творческой воле. Называть человека добрым и отрицать Божию благодать — это значит тварь ставить выше её Создателя; но против такого богохульства решительно свидетельствует наше нравственное чувство. Следовательно, никто, как Сам Бог является единым Подателем благодати, посеяв зерна её в человеческих сердцах и постепенно возвращая их и, таким образом, открывая Свою собственную природу.

Затем, постепенное уменьшение мирового зла, многообразные пути для торжества над ним добра здесь, на земле, — страдания в качестве целесообразных средств к воспитанию человеческой личности, результаты и предсказания эволюции, постепенное откровение, свидетельства опыта, поучительная история всякой души, тернистым путем достигающей спасения, и над всем воплощение Божественной любви в богочеловеческом Лице Христа-Спасителя, — всем этим человеческое сердце удостоверяется в безмерной благодати Божией и, не взирая на житейские испытания, взывает с упованием: «хотя Ты и поражаешь меня, однако, Я буду надеяться на Тебя!»

Но и в случае согласия со всем-этим, мыслящий человек недоумевает пред страшной проблемой существования зла: «если Бог, действительно, благ, то как же Он может допустить существование греха и страданий в Им же Самим созданном мире?» Еще на ранней заре человеческой истории этот вопрос глубоко интересовал лучшие умы: религиозное сознание свидетельствовало о том, что Бог благ, а расстроенный мир неотразимо доказывал совершенно противное. Некоторые выдающиеся мыслители нашего времени, отчаявшись в возможности примирения указанного противоречия, не устояли пред соблазном — склониться на сторону древней гипотезы (её держались последователи Зороастра, египтяне и манихеи) о двух враждебных одно другому началах, причем злой бог постоянно портит дело благого Творца. Но упомянутая гипотеза только увеличивает затруднение, потому что, если Сам Бог является виновником зла, то Сам же Он окажется и злым. Если этот злой бог не сотворен, а возникнул из глубин вечности, то он окажется самопротиворечащим, потому что, приписывая всемогущество и премудрость Творцу стройного космоса, мы необходимо исключаем, посредством такого определения, независимо существующие бесконечные зложеланис и неправду. Кроме того, неограниченно-злое существо оказалось бы бесконечно-несовершенным. Ведение такого бесконечно-несовершенного существа оказалось бы неведением, а могущество — слабостью; поэтому, он не мог бы иметь ни мудрости, ни каких-либо других средств противиться Богу. Не смотря на это, Джон Стюарт Милль проповедует доктрину, близкую к разбираемой, утверждая, что если Бог благ, то Он представляет Собою такой «дух, власть которого над материей была не абсолютной», — дух, ограниченный со стороны нравственной и премудрости. Если бы божественная мудрость была ограниченной, то мог ли Бог создать человеческий ум более

превосходным, по сравнению с Своим умом, и способным к открытию ошибок Самого Творца, — высшим сравнительно с Божиим? Если Его всемогущество ограничено, то зло должно было бы усилиться в невероятной степени и выступить далеко не в том значении и силе, каким оно, действительно, является в этом мире. Но тогда создалось бы в высшей степени бессмысленное положение дел, и человеку негде было бы искать утешения. В решении трудной проблемы мирового зла не следует преувеличивать и без того печальную действительность, как это делают крайние пессимисты, по словам которых злом окончательно перевешивается добро, и одним страданием совершенно уничтожаются девяносто девять удовольствий. Не надо забывать и о том, что много зла устранено постепенно возрастающим могуществом науки и филантропии; а что касается существующих бедствий, то они служат не малым побуждением к дальнейшему развитию человека. Мы не должны судить о зле с точки зрения нашей кратковременной жизни, а только по его пользе, цели и по конечному результату. Единственно с последней точки зрения окажется возможным удовлетворительное решение взятой проблемы. Если бы страдания были абсолютно-бессмысленными, не необходимыми и роковыми, то, в таком случае, Бог оказался бы совсем не благим. Если же они преследуют нравственную цель, то наличность их оказывается оправданною, а благодать — неотъемлемым свойством Божиим. История и опыт согласно свидетельствуют об относительной пользе зла, как неизбежного, в условиях земной жизни, средства для нравственного воспитания человека. Если мы соглашаемся на хирургическую операцию для спасения своей жизни, на продолжительные занятия, с целью развить свой ум, признаем целесообразность налагаемой родителями дисциплины для укрепления характера детей, то как же станем отрицать высшее право Творца воспитывать человека посредством житейских испытаний? Ежедневным опытом подтверждается та истина, что благополучие надмевает, а несчастье улучшает людей.

Но, в таком случае, благодать Божия служит залогом человеческого бессмертия. Любящий Отец небесный не будет уничтожать Своих детей, простирающих к Нему руки с мольбой о помиловании. Зато, наказывая их, Он проявляет к ним Свою любовь и воспитывает их для блаженной вечности. Но казнить их? Никогда! Это дело Ирода, но только не Христа. Если египетская царевна сжалилась над беспомощным младенцем, которого увидела плавающим в корзине по реке; если арабский шейх, нарушая свой закон, отказался зарыть живым младенца, потому что последний протягивал к нему свои детские ручки и касался ими его лица, то Бог ли всеблаготворителем захочет, по какой-то неведомой причине, навеки похоронить в могиле Своих возлюбленных детей? Кроме того, необходимо иметь в виду не полное проявление благодати Божией в этом мире, в котором очень многие так сильно испорчены и приведены на край гибели своими грехами. Следовательно, должен быть иной мир, в котором Божие благодать проявится во всей силе.

Но Бог имеет еще одно свойство: Он — истинен. Сообразно ли было бы с бесконечным совершенством Творца, внедрившего в человека такие твердые упования, чаяния, предсказания и проблески вечной жизни, не обнаружить ошибочности всего этого? Согласно ли с высшей истиной — насадить инстинкты, не имеющие никакой реальной ценности? Не вернее ли думать, что, не обличая лживости последних на протяжении многовековой истории рода человеческого, Бог этим самым только подтвердил их истинность? «В доме Отца Моего много обителей: если бы не так, Я сказал бы вам» (1 Иоа. 4, 2).

Обратим особое внимание на свойство божественной любви. «Бог есть любовь» (1 Иоа. 4, 16). Все другие свойства служат, если можно так выразиться, прилагательными, это — именем существительным. Святой ап. Иоанн не говорит: Бог есть любящий, но: «Бог есть любовь». Любовь — не описательное только выражение, но служит обозначением самой сущности Божества. В продолжение целого ряда веков люди поклонялись искаженному их

представлением Богу мщения или распутства; но постепенно Его Лик очищался от всяких дурных приражений, пока воплотившийся Сын не открыл заблудшим истинного Бога, как любящего Отца, природа и имя Которого обозначаются словом: «любовь». Если же это так, то блаженство Бога было бы не полно без сотворенных им людей. В случае, если бы последние окончательно уничтожались по смерти, такой Бог не понес ли бы немалое лишение? А так как Он всемогущ, то не облагодетельствует ли Он нас Своей любовью и не привлечет ли к Себе? В качестве всесовершенного Существа, Он вседозволен. Теперь спрашивается, возможно ли Ему наслаждаться Своим всеблаженством в случае гибели всех Его чад? Вот, уже в течение двух тысяч лет раздаётся пронзающий сердце плач вифлеемских матерей по невинно-избиенным их младенцам: останется ли равнодушным и вседозволенным Бог Отец при виде всепоглощающей Его детей смерти? Мать может забыть свои драгоценности или амбицию; но забудет ли она своего покоящегося младенца, которому грозит опасность или утонуть в воде, или погибнуть в огненном пламени? Если Бог употребил столько разнообразных средств к нашему спасению, то Он ли спокойно будет созерцать нашу гибель? В этом пункте у нас образуется абсолютная нравственная уверенность, хотя и не имеющая для себя (таков общий удел всех религиозных истин) математически-очевидного доказательства. Мы, по всей вероятности, не в состоянии доказать, что кто-либо не станет бросать в океан все свое достояние, на приобретение которого он употребил целую жизнь; или, что какой-либо отец лишит жизни своего возлюбленного сына, для которого он не щадил ни покоя, ни средств; зато у нас имеется абсолютная моральная уверенность в невозможности таких бессмысленно-жестоких поступков, исключая, конечно, случаи крайнего сумасшествия. Мы не имеем доказательств, что Бог не предаст вечной смерти всех людей, потому что не можем видеть отлетевших в загробный мир душ, но в пользу этого свидетельствует наша абсолютная моральная уверенность, опирающаяся на том факте, что Сам Бог открыл нам бесконечную ценность человеческой души, которую разрушить едва ли в Его благой воле.

Итак, все свойства Божии служат залогом нашего бессмертия. Жан Жак Руссо кратко суммировал истину бессмертия в цепи следующих положений: «Я верую в Бога так же твердо, как и во всякую другую истину. Если Бог существует, то Он — совершенный; если совершенный, то премудрый, всемогущий и правосудный; если — правосудный и всемогущий, то душа моя бессмертна». «Кто верует в Бога, — говорит Ротэ, — тот должен веровать и в посмертное существование человека. Без такой веры нет мира, который мыслился бы, как цель Бога». В том последнем торжественном кризисе, который неуклонно и постоянно приближается к каждому из нас, самым твердым упованием на посмертное бытие является благодать Божия. Чувствуя приближение смерти, каждый из нас может всецело положиться на Бога, повторяя вслед за Спасителем: «Отче! В руки Твои предаю дух мой».

В настоящее время, при изучении природы, а также и других областей знания, преимущественным вниманием пользуется индуктивный метод. Факты, говорят, неопровержимы. Соберите их, классифицируете, сделайте из них логический вывод, — и в результате получится истина; но только постарайтесь запастись возможно большим числом фактов и следите за тем, чтобы они соответствовали цели и были правильно истолкованы. Это требование совершенно основательно и верно. Не следует забывать, при этом, только о том, что, например, чувство служит таким же фактом, как камень, и что душевное настроение реально не менее, чем эта гора. Исторические факты представляют собою только объективные результаты известных умственных идей. Осматриваясь, теперь, назад и группируя вместе факты, относящихся к трем обширным областям: естествознания, философии и религии, можно ли сделать какой-либо другой из них вывод, кроме одного: все они указывают на будущую жизнь?

Много лет астрономы находились в затруднении пред непонятными пертурбациями,

происходившими на отдаленном от земли (2702 миллион. километр.) Уране, пока Бувар (в 1821 г.) не открыл, что таинственные возмущения можно объяснить, только основываясь на теории притяжения известных небесных тел, указывающих на существование какой-то не открытой большой планеты. В течение четверти века астрономы продолжали свои наблюдения, вычисления и предсказания, пока, наконец, в 1846 г. берлинский д-р Галле не открыл, в расстоянии только одного градуса от предположенного места, огромную планету Нептун, самую большую из всех известных небесных тел солнечной системы, совсем невидимую невооруженным глазом, находящуюся на расстоянии 2,800,000,000 миль от солнца, имеющую в диаметре 37,000 миль и совершающую полный оборот один раз в продолжение 164 лет. Несмотря на то, что многие предположения насчет массы, расстояния и формы орбиты оказались не совсем правильными, все-таки, в общем вычисления отличались поразительной точностью. Подобным же образом и тревожения этой земной жизни, пертурбации человеческого духа, гравитация творения, история, опыт, — все указывает на существование необъятного духовного мира, правда, невидимого простым глазом, зато абсолютно-реального в своих эффектах. И хотя мы должны будем со временем изменить свои концепции на счет последнего и сделать в них некоторые поправки, однако, пространная действительность останется непоколебимой, потому что мы не можем никак иначе объяснить себе «возмущения» в этом мире. «Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому, что увидим Его, как Он есть» (1 Иоа. 3, 2).

IV. Условия посмертной жизни

Последняя запись, сделанная сэром Вальтер Скоттом в его дневнике, гласит: «Мы благо разумно заснули, а с наступлением утра»... Многозначие поставлено неожиданную смертью, прервавшей слова дневника. Один только В. Скотт знает о том, что произошло с ним в следующее утро. Вполне естественно и крайне любопытно для всего рода человеческого исследовать: допустив продолжение загробного бытия, спрашивается, что же такое произойдет с нами «в следующее утро»? Наш ум и сердце не могут успокоиться на одной, пока еще отвлеченной, истине бессмертия, впредь до получения более или менее определенного ответа на вопрос: с чем можно сравнить вечную жизнь? Не достаточно только знать о продолжении своего существования; мы хотим получить ясный ответ на вопросы: как, где и когда? Мы стремимся к распознаванию детальных условий будущей жизни. Но в этом пункте природа и откровение хранят глубокую тайну и позволяют нам делать только одни догадки насчет своего будущего существования. Для такого молчания имеются две причины: во-первых, чтобы не вносить путаницы в земную жизнь, и, во-вторых, чтобы предотвратить тяжкие недоразумения в отношении той сферы, условия которой окажутся, для нас непостижимыми, благодаря отсутствию аналогичного опыта; а они, по всем данным, необходимо должны будут отличаться от свойственных нашей земной жизни физических ограничений.

Глубокая мудрость в сокрытии от нас тайны загробного существования подтверждается тем фактом, что все попытки сделать подробное описание нашей будущей жизни оказались далеко не привлекательными, если только не совсем отталкивающими. Причина этого кроется в известном психологическом законе, но которому никто не в состоянии представить себе того, чего он никогда не видел. Поэтому все концепции насчет духовного состояния возвращаются в сфере земных образов, с присущими им чертами известного времени и условий. Эти последние большей частью отличаются грубым материализмом и антропоморфизмом и, кроме того, рассматриваемые под углом зрения вечности, являются монотонно-утомительными. Словом «вечность» обозначается понятие, превышающее наш ограниченный ум: пред нею целый биллион тысячелетий оказывается не больше, нежели одна, едва заметная, песчинка на морском берегу, или капля воды в безбрежном океане. Пытались дать некоторое, хотя и слабое, представление вечности посредством примера птицы, которая должна была бы, в течение неисчислимо-продолжительного времени, переносить по малым крупинкам целый земной шар, возвращаясь только однажды в целое тысячелетие. И, однако же, когда удалось бы этой птице окончить свою труднейшую задачу, вечность только бы еще начала открываться. Если, затем, довольно скоро здесь, на земле, ребенку надоедают самые забавные игрушки, взрослому человеку — его хлопоты и пожилому — все удовольствия и мирская слава; если самые отъявленные злодеи могли бы представить себя осужденными на тысячелетнее скитание по свету, подобно вечному жида, с непрестанной тоской и с тщетной мольбой о смерти: — каковы же должны быть возможные условия загробного существования, чтобы, не смотря на бесконечное время, блаженство все более и более восхищало получивших его в удел людей? Напрасно искать ответа на этот вопрос у язычников, потому что их религиозные представления не совсем определены и то печальны, то причудливы. Ни один из нас не счел бы себя счастливым находиться целую вечность в мрачных чертогах Озириса, или в эллинской олимпии, в римском элизии, в скандинавской валгалле, в магометанском гареме или в браманской нирване. Литературные произведения, хотя и представляют много великолепных концепций возвышенными порывами гения, однако, оказываются не в состоянии показать неизменную прелесть вечного блаженства. Едва ли захотели бы мы вечно жить в великолепном парадизе

Данте, или в воинственном небе Мильтона, с непрерывными столкновениями враждебных армий и бегством побежденных, или в состоянии вынужденного экстазом общения душ, усердно живописуемом чувствительными авторами. Подобным же образом, концепции различных индивидуумов больше устрашают, нежели привлекают. Каждый образует себе идею загробной жизни соответственно претерпеваемым лишениям в земной. Утомленные стремятся к успокоению, потерпевшие неудачи — к успеху, разлученные — к свиданию. Томившийся на Патмосе св. Иоанн Богослов, при виде разлучавшего его от друзей моря, писал в своем Апокалипсисе (21,1): «и моря уже нет»; испытывавший нестерпимые страдания от болезни Роберт Ход мог воображать себе небо единственно, как только здоровой местностью; терпевший неудачи в своей филантропической деятельности Вильберфорс представлял загробную жизнь в виде совершенной любви. Даже наиболее утвердившиеся в духовной жизни сознают, что такие представления, каковы, например, почивание на облаках с пением псалмов, или участие в торжественных процессиях с пальмовыми ветвями, или шествие по городу, улицы которого сделаны из золота, а стены — из драгоценных камней, или упокоевание на златных пажитях и тихих водах, или жизнь в непрерывном общении в случае их вечного продолжения, окажутся утомительными. Такое блаженство многим представится совсем не желательным, как, например, оно не понравилось одному слушателю какого-то пуританского проповедника. «Ваше небо, — воскликнул прихожанин, — будет для меня геенной!» Подобным же образом ответил Штраусс на рассуждения Фридриха Великого: «извините, государь, но я совсем не желаю отправляться на небо».

Не смотря на ошибочность специальных описаний загробной жизни, тем не менее, мы не оставлены насчет её в совершенном неведении. Для нас открывается просвет если не отвне, то изнутри, из духовных свойств личности, не отделимых от нас самих, а также и из сродства духовных существ с таким же миром. Существуют некоторые великие принципы, на которых можно основываться, чтобы приподнять хоть край завесы отделяющей этот мир от загробного. Они подобны обильным потокам света, хотя и не все открывающим, однако, достаточно озаряющим наши жизненные пути. Во всем творении всюду царит один всеобъемлющий закон прогресса, прогресса и прогресса. Почему же, спрашивается, он должен вдруг прекратиться по смерти? Или истощилось Божие всемогущество? Или бесконечное стало конечным? Неужели божественные совершенства, беспредельность и вечность, не служат императивами для непрерывного продолжения этого закона? Роковым недоразумением со стороны некоторых богословов являлось их указание на то, что по смерти человек мгновенно становится совершенным, не имеющим нужды и возможности дальнейшего развития. Но это значит считать тварь мгновенно сравнивающейся с Творцом, между тем как научный результат, в приложении к данному случаю, состоит лишь в некоторых намеках на бесконечно-неопределенное пространство, время, метод и природу Творца. Вместо прекращения развития смерть, наоборот, служит необходимым условием его продолжения. В течение своей земной жизни мы принимаем от этого мира все, что только может он дать для образования нашей личности. В случае необходимости прожить на этом свете целые тысячелетия, мы за это время сделали бы, пожалуй, умнее, по только не непременно лучшими. Больше того, может быть, что, благодаря фамиллярности с земными условиями и повторности преподанных уроков, мы еще ухудшились бы. Вот, между прочим, почему никто не знает своего смертного часа, чтобы его неизвестность служила побуждением не откладывать до самого последнего срока приготовление к вечности. Следовательно, смерть является необходимым освобождением от земной ограниченности для более широких возможностей; призывом не к остановке, а к еще большему развитию наших способностей и неразвитых потенций в более счастливых условиях. Смерть подобна садовнику, пересаживающему цветы, в надлежащую пору их развития, из-под

открытого неба в теплую оранжерею, с целью предохранить их от холода и дать им возможность пышно расцвести под тепличным кровом. Человек подлжит действию такого же универсального закона и потому предопределен к нескончаемому прогрессу, в трех главных направлениях — любви, познания и служения.

Пусть прекращаются все другие дарования, любовь «никогда не перестает» ([1 Кор. 13:8](#)): причастная самой божественной природе, она неистощима в своей жизненности. Подобно тому, как земные привязанности постоянно возрастают своей интенсивностью, характером и глубиной, силою самопожертвования и ненасытного желания, так и на небе истинная любовь будет бесконечно крепнуть и развиваться, постепенно приближая нас к Богу и к Его избранникам. Как нет конца Божьей к нам любви, так и наша к Нему любовь никогда не сократится, а, наоборот, всегда будет крепнуть и в вечности открывать пред нами глубину бесконечной любви небесного Отца и возбуждать в нас ответную любовь. Но мере того, как более и яснее мы будем разуметь Его таинственную, неизменную, бесконечную любовь в связи с творением, искуплением и промышлением о вселенной, — непрерывно будет усиливаться и наше благоговение. Для пламенной любви не страшны испытания времени и монотонности. Нас не утомляет искренняя ласка матери, чистая преданность ребенка или бескорыстная дружба. Если же кто утомляется любовью, то ясно, что — не истинною, а притворною, потому что первая ненасытна в своем голоде и в служении ближним развивает свои бесконечные способности.

В связи с утверждением насчет совершенного развития и полнейшего удовлетворения любви в загробном мире, рождается несколько интересных вопросов и опасений, правда, подчас детских, но, тем не менее, однако, заслуживающих некоторого внимания и серьезного ответа. Многих смущает особенно то, что вызываемое смертью изменение, по их мнению, не оставит места нашему реальному «я», и что мы не сохраним единства своего самосознания, обратившись скорее в каких-то противоестественных фантомов, а не останемся разумно-свободными личностями. Но утрата свойств личности является решительно невозможной. Наоборот, и на том свете мы сохраним свои индивидуальные особенности, потому что, в противном случае, не оставалось бы места для суда, возмездия и наказания, равно как и для дальнейшего развития сокрытых в нашей душе потенций.

Второе, находящееся в тесной связи с первым, опасение состоит в представлении перехода от смерти к жизни на подобие переправы чрез легендарную Лету: на причаливающих к берегу вечности опускается завеса полного забвения, и мы теряем память о всем прошлом и перерождаемся в какие-то новые, не имеющие никакого отношения к жившим на земле, духовные существа. В этом случае у нас порываются всякие связи с своими присными подобно тому, как на земле кто-нибудь порывает их с своим интимным другом, который, по причине какого-либо несчастного случая или тяжелой болезни, теряет память и перестает узнавать самого близкого человека, видя в нем случайного незнакомца. Но такой страх оказывается также неосновательным, когда рассмотрим его во свете непрерывности царящего в природе развития. В таком случае оказалась бы совершенно недостижимой главнейшая цель земной жизни, так как, с потерей памяти, утратили бы всякий смысл многочисленные испытания и скорби, посылаемые человеку, для его нравственной дисциплины, в земной жизни. Все наилучшие чаяния, относимые человеком в загробный мир, оказались бы пустыми призраками, как, например, любовь, потому что, при отсутствии воспоминания, она лишится своего жизненного нерва. Правда, благодаря взаимной аттракции, и в загробном мире могли бы возникнуть личные симпатии между различными душами, но только в виде какой-то бесцветной реализации по сравнению с накопленным- богатством всяких надежд и страхов, радостей и печалей, успехов и неудач. Необыкновенно странная потеря памяти состоит в решительном противоречии с целью

небесной миссии. В самом деле, в чем лее могло бы проявиться божественное правосудие и над кем, именно, раз душа человека по смерти представляла бы собою что-то в роде чистого бумажного листа? Может ли уголовный судья приговаривать к какому-нибудь наказанию паралитика, абсолютно ничего не помнящего о происшедшем? Нет спору, что вечная правда может отчасти осуществиться благодаря тому, что все эффекты нашей прошлой жизни являются как бы вплетенными в обширную ткань нашей духовной сущности, всегда остающейся с нами; но это было бы слишком неполным торжеством правосудия, каким оно должно оказаться при самосознательной реализации всего прошлого с присущими ему результатами. Таким образом, и радость, и раскаяние удвоятся посредством пребывающей в вечности памяти, и, подобно тому, как наша виновность сильнее заявит себя в ретроспективном взгляде, так и наше блаженство значительно увеличится по милости все прощающей и спасающей любви.

Но, спрашивается, каким образом окажемся мы способными узнать за гробом близких нам людей? Не потеряем ли мы их, да и сами не затеряемся ли в безбрежной вечности? Ответ на это не так труден, каким представляется он на первый взгляд. Любовь отшедших душ никогда не забудет о тех, которые были дороги ей в земной жизни. Дух отвечает духу, инстинктом обнаруживается наличность сердечного расположения, к тому же и на земле мы притягиваемся один к другому более душевными, нежели телесными качествами, — говорим, разумеется, об истинной любви, а не о какой-то на нее пародии. «Тождественные двойни» принимаются один за другого только сторонними людьми; что же касается близких родных, то они хорошо различают близнецов, потому что знают их отличительные душевные качества, и только удивляются тому, как посторонние смешивают двух не одинаковых людей. Не то удивительно, что мы узнаем друг друга в загробном мире, а противоположное тому, — как могли бы мы не узнать? И так, будем уверены в том, что любовь поможет нам отыскать своих ближних посредством безошибочной интуиции, симпатии, внутреннего влечения и душевной приязни.

Но скончавшиеся за немного, а тем более за много лет до нас не окажутся ли настолько опередившими нас в своем духовном развитии, что мы уже не в состоянии будем достигнуть их? А если вспомним о тех, которые отошли в лучший мир назад тому целые тысячелетия, то не опередят ли они в своем развитии нас так далеко, что мы, только еще вступившие в область вечности, решительно не в силах будем приблизиться к своим предшественникам? Нисколько, — подобно тому, как, не смотря на свое относительно, высшее развитие, мать не разлучается от малого дитяти. Наоборот, высшее развитие не предоставляет ли ей тем большей возможности содействовать правильному воспитанию своего младенца?

Теперь спрашивается, каким образом те, которые испытали два или более сильных аффектов, каждый из которых достигал самого крайнего напряжения в свое время, примирят в вечности возникающие в душе конфликты? Самым простым, потому что там не будет происходить никаких конфликтов. Что же касается различных недоразумений, подобных упомянутому, то они проистекают из проектируемой нами в вечность несовершенной земной любви. Все предрассудки ограниченной на земле любви заменятся совершенной небесною любовью, без умаления её напряженности или партикуляризации, все примиряющею своей широтой и глубиной. Подобно тому, как в этой жизни отец изливает всю свою любовь на родного сына и, однако, находит в своем сердце место для каждого, рождающегося потом, младенца, причем не раздробляет ее между детьми, а каждому в отдельности и всем вместе отдается всем своим сердцем, так и в будущем веке расширится и возвысится наша любовь, изливаясь на каждого и составляя совершенную гармонию в своих проявлениях. Слова Спасителя о том, что на том свете «ни женятся, ни посягают» ([Мф. 22:30](#)), не означают забвения о всех прошлых человеческих отношениях, так как относятся к будущему в вечности, а не к продолжению установившихся на земле связей между людьми. Имеющая сохраниться вместе с

личностью память необходимо удержит в себе драгоценные связи родственных отношений во всей их духовной прелести, которая только подыметя на еще большую высоту, достижимую лишь в вечности.

Но какая же совершенная любовь может существовать на том свете, если мы должны простить самых заклятых своих врагов, которых оскорбили, или которые нас оскорбили до последней степени, и с которыми нам суждено будет жить в одном царстве? Сказать, что мы будем навсегда отдалены от них, — не достаточно, потому что на небе должно царствовать взаимное и полное всепрощение в совершенной любви. Не удовлетворителен и другой ответ, что мы совершенно изменимся, ибо, если истинность и чистосердечность, как самые драгоценные душевные качества, останутся с нами, то позволительно спросить, как возможно будет любить тех, кого мы имеем причины ненавидеть? При большей вдумчивости ответ на вопрос не труден. Даже и худшие из людей содержат в себе некоторые потенции добра, нередко открывающегося в сравнительно короткое время земной приязни. Мы часто любим один другого, не понимая того, как это происходит; любим, потому что видим друг в друге возможность добра, признаки расположения, сокрытые от нашего ограниченного взора. Теперь в вечности наше усовершенствованное духовное зрение даст нам возможность видеть эти сокрытые потенции добра, и даже, воспоминание о нанесенных оскорблениях сделает нас достаточно проникательными, — так как мы сами в очень многом получали прощение от Бога, — чтобы найти достаточно данных для прощения других и от них, в свою очередь, получить чистосердечное прощение, и, таким образом, поистине, возлюбить своих врагов.

Следующий широкий путь, по которому будет происходить постоянное развитие, это путь познания. Начавшееся на земле, последнее окажет нам помощь в качестве точки отправления для постепенного развития в вечности. Не выразить словами радость такого умственного развития. Даже и в приобретении земных знаний всякий испытывает ни с чем несравнимое состояние особого рода экстаза, когда кому-либо удастся отвоевать хотя малую область истины, открыть какие-либо новые законы, воспользоваться доселе неведомыми естественными силами, или установить прогрессивное развитие в доселе потаенной части универса. Ученые естествоведы, философы, теологи — все хорошо поняли душевную радость Кеплера, когда, открыв свой «третий закон», он воскликнул: «всемогущий Боже! Я мыслю Твоими мыслями вслед за Тобою». Эта радость будет продолжаться вечно и никогда не сделается монотонною. «Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь-ли совершенно постигнуть Вседержителя?» ([Иов. 11:7](#)). Исследующий пути Промысла напоминает путника, взбирающегося на Гималайские горы: поднявшись на одну вершину, он видит с неё другие, еще более высокие, вершины и открывающиеся пред собою более широкие горизонты; или занимающегося изучением небесных пространств: одновременно с усилением зрения пред наблюдателем открываются еще большие пространства с бесчисленными мирами; простые звезды оказываются большими созвездиями и темные бездны — вмещилищем целой системы миров, каждый из которых, в свою очередь, указывает на еще более чудесные миры. Таким образом, вместо того, чтобы казаться скучным занятием, поклонение Творцу явится в виде постоянного, инстинктивно-проявляющегося, чувства благодарного изумления, возрастающего по мере того, как пред нами будут открываться все более и более глубокие планы божественного промысла о мире. По мере увеличения нашего познания и ясновидения в отношении к промыслительным планам, осуществляющимся на протяжении бесчисленного множества веков, к сокровенной гармонии божественных законов и действий, к чудесам бесконечной любви и премудрости, к конечной цели мирового процесса, — будет усиливаться и наше благоговение к премудрому Творцу миров. И что удивительного в этом, когда, даже, и в условиях земного бытия человек испытывает, подчас, невыразимый восторг пред бесконечным

величием Божиим? «Хвалите Его солнце, луна и звезды»! — восклицал словами псалмопевца Галилей. Подобным же образом и Агассиз благоговейно выражался: «геолог идет по стезям, глубоко проложенным стопами Божьими». «Слава Богу, допустившему меня уловить один луч от края Его ризы», — так выражался Ньютон.

Третий путь вечного развития пролегает в области служения. Несомненно, если Бог и твари, в продолжение минувших веков, находили радость в деятельности, то и в загробном существовании последняя не прекратится. Нет еще большой радости по сравнению с исполнением великих задач. Горечь труда состоит исключительно в физической ограниченности и в неспособности. Отлетевшие от земной суеты души обретут покой в том, что силы их будут превосходить над делом, как и сами мы со временем вкусим наслаждения, состоящего в успешном исполнении предлежащего нам служения. Все душевные способности будут постепенно и прогрессивно развиваться, с постоянно открывающимися новыми потенциями в расширенных сферах. Еще находящиеся в земных условиях, мы подчас напряженно стремимся перенестись за пределы, поставленные для наших ограниченных чувств, — проникнуть в глубокие бездны океана, в сокровенные тайны миров, в беспредельные пространства, слышать неуловимые ухом звуки, приобрести более острое зрение и более тонкие инстинкты, имеющиеся у наиболее развитых животных. Мы страстно хотим пронизать своим взором сквозь естественные феномены материи, силы, жизни, и созерцать потаенные чудеса каких-то неведомых миров с новой формой, цветом, движением, мелодией, красотой. Подобно тому, как пред исцеленными глазами слепца открывается целый мир с неисчерпаемым разнообразием форм и красок, или пред излеченным от глухоты — звуков и мелодий, пред паралитиком — область недоступных ему доселе ощущений, так, на необозримом протяжении вечности, раскрывающиеся постоянно усовершенствующиеся способности откроют пред нами новые миры для созерцания и служения. В таком случае не может возникнуть никаких предположений на счет монотонности будущей жизни: последняя откроется пред нами с настолько бесконечным разнообразием задач и средств к их исполнению, что не о скуке, а, наоборот, о ненасытном наслаждении может быть речь в новых условиях нашего бытия. Некоторые черты предстоящего нам служения мы можем видеть отчасти и в земной жизни. Вообще, оно должно состоять в сослужении Богу, в содействии осуществлению Его величественных планов, в оказании любви к Его тварям, в воспособлении взаимному раскрытию наших собственных способностей и способностей других, в победе над врагами посредством любви, в изыскании путей и средств к их раскаянию и перерождению, и, может быть, в соучастии в творении, в истории и в завершении одного мира за другим, одной системы за другой, цикла за циклом, универса за универсом.

Таким образом, первый основной закон природы — вечный прогресс — проявляется в трех больших потоках света, бросаемых в царство тьмы и озаряющих пролегающие в вечности пути нашего непрестанного развития и роста в любви, познания и в служении. Приведенных данных вполне достаточно для нашего упования на бесконечное милосердие небесного Отца.

«Человек», по словам Паскаля, представляет собою только трость и, притом, самую хилую в целой природе. Однако, он — мыслящая трость. Весь материальный универс не имеет нужды совокупными усилиями поразить его. Для этого довольно пара, или одной капли воды. Но если бы весь материальный универс соединился для того, чтобы сокрушить его, то человек, все-таки, оказался бы более благородным по сравнению с своим сокрушителем, ибо он сознавал бы, что умирает, между тем как целый универс и не подозревал бы о своем над ним преимуществе». Итак, человеческий дух, с его свидетельством о богоподобии, неизмеримо возвышается над целою природой и содержит в самом себе свидетельство в пользу того, что он переживает все предполагаемые крушения одной материальной системы вслед за другою, какими бы

величественными ни представлялись они для непосредственного наблюдения. Звездное небо не настолько возвышенно, как нравственный закон внутри человека. Все конstellации не равняются по своей ценности одной младенческой душе. Человек — это сын Божий и, следовательно, представляется более дорогим в очах Божиих, нежели поразительный блеск небесных светил. Пусть ничтожна населяемая им планета, пусть слабо его брeнное тело, — все-таки, он невыразимо дорог пред Богом. Это навеки подтверждается голгофским крестом — бесценной Жертвой, принесенною за спасение мира. В своей потенции человек является достойным такой милости.

Подобно тому, как не по внешней невзрачности мы судим о достоинстве взятого семени, а по заключающемуся в нем пышному расцвету, так и в рассуждении данного предмета «еще не открылось, что будем» (1 Иоа. 3, 2).

Таков первый правильный метод для укрепления нашей веры в виду беспредельного универса и для подтверждения превосходства человеческого ума и души над всем сотворенным.

Все вместе взятые предуказания только на бесчисленные, заключающиеся в Творце и в Его творении, потенции, в связи с многозначительными фактами естествознания, философии и религии, приводят нас к абсолютной моральной уверенности в загробной жизни. А если так, то безнадежная, ужасная и невыносимая в других условиях жизнь мгновенно преобразуется, озаряется светом доброй надежды и получает величайшее значение. Все, казавшееся доселе парализованным при неизвестности будущего существования, выпрямляется в свой настоящий рост и развертывает пред человеком необозримые перспективы с точки зрения вечности. Не вполне приметные раньше, побуждения и объяснения жизни теперь становятся достаточно ясными. Есть смысл в тяжелой борьбе, потому что она содействует облагораживанию характера, ибо последний существенно важен для достижения человеком своего назначения и сопутствует ему в беспредельной вечности. Есть смысл вместо эгоистической жизни проводить другую, состоящую в непрестанном самопожертвовании, жизнь, ибо мы — бессмертные труженики среди таких же бессмертных, чтобы их и себя приготовить к блаженной вечности. Есть смысл в развитии своих способностей до возможно-высшей степени, — для писателей — обогащать литературную сокровищницу, для поэтов — творить идеальные образы, для музыкантов — погружаться в мелодию звуков, для чистых душ — сеять добро для жатвы другим, — потому что все многообразные способности сохраняются и вполне расцветут только под новым небом. Есть смысл в беззаветной любви, не смотря на страшный призрак смерти, ибо «любовь крепка, как смерть» ([Песн. 8:6](#)) и в лучшем мире получит свое полное удовлетворение.

Примечания

Развитие и обоснование идеи самостоятельности душевной жизни человека см. в докторской диссертации о. Е. П. Аквилонова О физикотелеологическом доказательстве бытия Божия (Спб. 1905), стр. 125 сл.

Этот поучительный трактат приснопамятного о. Протопресвитера Евгения Петровича Аквилонова (?1911, III, 30), занимал его по своей теме давно, но фактически принадлежит, повидимому, к поздним его произведениям и найден почти вполне приготовленным к печати, хотя издается теперь с некоторыми сокращениями. Ред.